

Языкознание и литературоведение: фундаментальные и прикладные исследования

Казань

Сборник трудов по материалам Международной научно–
практической конференции

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**Языкознание и литературоведение:
фундаментальные и прикладные исследования**

Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции

31 мая 2017 г.

УДК 80
ББК 80

Главный редактор: Н.А. Краснова
Технический редактор: Ю.С. Андреева

Языкознание и литературоведение: фундаментальные и прикладные исследования: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, 31 мая 2017 г. Казань: НОО «Профессиональная наука», 2017. 89 с.

ISBN 978-5-00-007865-9

В сборнике научных трудов рассматриваются актуальные вопросы языковедения, литературоведения, переводоведения по материалам Международной научно-практической конференции **«Языкознание и литературоведение: фундаментальные и прикладные исследования»** (31 мая 2017 г.).

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору No 2819-10/2015K от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте www.scipro.ru.

УДК 80
ББК 80

978-5-00-007865-9

© Редактор Н.А. Краснова, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© НОО Профессиональная наука, 2017

Содержание

СЕКЦИЯ 1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА	5
Заговеньева В.Ю. Ситуация колебания в художественных произведениях Ф.М.Достоевского	5
СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ.....	15
Абдурашитова Э.И. Сравнительный анализ романов «Шагреньевая кожа» Оноре де Бальзака и «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда.....	15
Павлюк Т. П., Куровская И. Р. Символика мифических персонажей во французской литературе модернизма (на материале произведений Ж. Кокто и А. Жида)	20
Палагина А.О. Психологический портрет негативного женского образа в романах Агаты Кристи.....	35
СЕКЦИЯ 3. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	43
Lubkovskaya N. A., Chornobay S.Ye. The Functioning of the Phraseological Units with the British Realia Components in Modern English	43
СЕКЦИЯ 4. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	58
Алатырцева Л.В. Лингво-культурные особенности текстов испанских песен в стиле Альбореа	58
СЕКЦИЯ 5. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ.....	63
Джабраилова В.С., Зарипова Н.Р. К вопросу о современных тенденциях перевода англоязычного газетного заголовка на русский язык	63
Морев А.В., Антоненко Н.М. Терминология и вопросы перевода.....	77
СЕКЦИЯ 6. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	83
Вавилова А.В. Феномен языковой манипуляции в рекламном тексте	83

СЕКЦИЯ 1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 808.1

Заговеньева В.Ю. Ситуация колебания в художественных произведениях Ф.М.Достоевского

The situation of fluctuations in F.M. Dostoevsky.

Заговеньева Валерия Юрьевна,
преподаватель кафедры русского языка и естественных дисциплин,
Белгородского Государственного Технологического университета
им. В.Г.Шухова

Zagovenieva Valeria Yurievna,
lecturer of the department of Russian language and natural disciplines, Belgorod State
Technological University
named after V.G. Shukhov.

Аннотация: Колебание отражает нечеткость позиции субъекта в ситуации выбора, его сомнения относительно какой-либо деятельности, то есть соотносится с субъективной модальностью. В произведениях Ф.М. Достоевского ситуация колебания в большей степени свойственна человекобogu.

Ключевые слова: модальность, колебание, Ф.М. Достоевский, человекобог.

Abstract: The fluctuation reflects the indistinct position of the subject in the situation of choice, his doubts about any activity, that is, it corresponds to subjective modality. In the works of F.M. Dostoevsky, the situation of fluctuations is more characteristic of the man-god.

Keywords: modality, oscillation, F.M. Dostoevsky, man-god.

Человек в определенные жизненные моменты находится в состоянии неуверенности, ситуация, в которой выбор правильного решения, вызывает определенные ментальные трудности, это можно назвать колебанием человека. Колебание - это субъективное отношение человека к действительности возможно, когда у человека при определенных моментах, существует два варианта развития событий или более. Колебание предполагает под собой неподготовленность сознания человека взять на себя ответственность за осуществление какого-либо действия.

СЕКЦИЯ 1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Человек при помощи своего рассудка может представить образ своей деятельности до совершения этой деятельности, и это дает ему возможность вести себя в высшей степени вариативно. Колебаясь человек, представляет себе свое будущее действие, оценивает его надобность для себя, просчитывает возможные процессы развития, такие как различные помехи, обстоятельства, которые способствуют его осуществимости, исполнению, результатам и последствиям, соотносит с определенными нормами поведения в социуме, а также с самоощущением и собственными ценностными установками.

А.И. Долженкова пишет: «колебание как ментальная операция характерна для субъекта, включенного в коммуникативный процесс, в разные периоды его жизни. Колебание помогает субъекту постичь действительность, высказать свое отношение к данной действительности, оценить результат события с последующим перспективным его применением. Операция колебания для человека является универсальной, так как ее применение возможно по отношению практически к любым явлениям действительности» [Долженкова 2014: 13-14].

Колебание является сложной волевой, интеллектуальной и эмоциональной деятельностью. Определенное действие представляет собой какое-то изменение мира, а также изменение, связанное с жизнью самого индивида, в некоторых условиях, являет собой или кажется субъекту очень важным событием, в связи с этим нуждается в большом личностном участии. В данной деятельности возможно наличие нескольких стадий. В первой стадии возникает желание или необходимость определенного действия. Во второй стадии происходит оценка возможных вариантов, уровень значимости, сопоставление необходимого и желательного в процессе действия, возможность осуществимости, оптимальности результата, продуктивности. В

последней стадии человек уже сформировывает определенную точку зрения намерение или отказ от действия сформированы, и человек начинает или не начинает реализацию действия.

Колебание представляет собой невозможность выбора, в течение определенного времени, между намерением или отказом от данного действия.

Субъективная модальность представляет собой отношение говорящего к действительности, в тексте модальность выражает отношение автора к описываемой им ситуации в своем произведении. Колебание как раз показывает нечеткость позиции субъекта в ситуации выбора, его сомнения относительно какой-либо деятельности. Колебание всегда относится к определенной ситуации, то есть реализует себя через определенный момент действительности, это показывает, что данное значение неразрывно связано с объективной модальностью, также как и субъективной, то есть является объективно-субъективной категорией.

Колебание является предикативной категорией, то есть относится к определенному субъекту (персонифицировано), имеет отношение к определённой ситуации, происходит в определенном месте, в определенный промежуток времени (темпоральность), а так же субъект пытается вызвать определенную эмоцию у субъекта интенции.

Высказывание как единица речевого общения учитывает коммуникативную ситуацию, в нем излагается позиция говорящего с учетом знаний и возможной реакции собеседника.

В процессе коммуникации говорящий пытается реализовать свои прагматические цели речи. Адресат пытается при помощи своего высказывания выразить свое сомнение, осознание того, что реализация некоторого действия может не привести к успеху.

Проявляет себя колебание как состоянием неуверенности, нерешительности, сомнения, беспокойства и неудовлетворенности, возникает желание для устранения данного состояния перейти в состояние спокойствия и удовлетворенности.

Семантика колебания в функционально-семантических полях русского языка, взаимосвязи категорий оценочности, эмотивности и субъективной модальности, а также модусных категорий, показывают, что семантика колебания имеет сложную структуру и функционирует в речи на пересечении нескольких семантических зон, тесно взаимодействуя с категориями эмотивности, оценочности, состояния, предположительности, возможности, сомнения, вероятности, эвиденциальности, приблизительности, кажимости.

Итак, под ситуацией колебания мы можем понимать такое положение дел, при котором говорящий:

1) имеет или не имеет достаточное знание о некоторых имеющих место реальных или предполагаемых событиях, явлениях, фактах действительности;

2) стоит перед альтернативным выбором, не знает, как верно поступить;

3) занимает вероятностную негативную когнитивную позицию относительно правильности какого-либо действия.

В ситуации колебания предполагаются следующие составляющие: субъект (тот, кто испытывает колебание); объект (то, что подвергается колебанию); проявление первым модальной оценки (рациональной и/или эмоциональной) второго; причина, вызывающая (стимулирующая) оценочное отношение субъекта к объекту.

Значение колебания тесно взаимодействует с другими модальными

значениями: сомнением, возможностью, вероятностью, предположительностью, кажимостью, эвиденциальностью. Данные значения находятся в оппозиции со значением уверенности.

Традиционно философскую мысль Ф. М. Достоевского называют антропоцентричной и религиозно-философской. В своих работах Ф.М. Достоевский, всегда отводил человеку с его сложным внутренним миром, центральное место. Писатель в своих произведениях пытается показать, что каждый человек создан по образу и подобию Бога, каждый человек обладает частичкой Бога в своей душе, поэтому он оправдан. В основе религиозного мировоззрения Ф.М. Достоевского лежит мысль, что род человеческий образует органическое единство, которое движется во времени и берет начало в акте творения Бога как своего Отца. Писатель всю свою жизнь стремился к познанию Бога. В Иисусе Христе он видел воплощение нравственности и духовной красоты, которая «спасет мир», идеал Христа для писателя был непоколебим, он защищал его образ от различного рода критики и нигилизма. Ф.М. Достоевский утверждал, что «Христос – Человек недостижимого нравственного совершенства, величайший человек во всем мире единственный высший идеал» [Логвинова 2008: 76]. С позиции этого идеала писатель, однако, рассматривает целую плеяду, отнюдь, не идеальных личностей. Напротив, чем выше идеал, тем ужаснее и страшнее антиобразы его падших героев: преступников, убийц, разрушителей жизни и даже всей культуры. Многие из них заражены антихристовым началом – весьма привлекательным для сверхлюдей того времени, они постоянно колеблются, сомневаются, находится в поиске своего внутреннего начала. Колебания происходит в их сердцах, у них нет душевного равновесия, герои ищут его, но не могут найти.

В романе «Братья Карамазовы» один из главных героев произведения -

Иван, высказал в своем суждении, относительно деятельности человеческого разума следующую мысль: «Я думаю, что если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию» (Братья Карамазовы). То есть, разум, ситуацию колебания, неуверенности, можно отнести к одной из составляющих дьявольского, злого начала, так как человек, который уверен в Боге, уверен в своем выборе, не колеблется, он не мучим терзаниями. Благодаря деятельности своего воображения человек представляет образ Бога, он творит Божество в своем сознании, осмысляет его, согласно своему представлению человек желает построить свою телесную и разумную жизнь в мире. Человек с момента как был сотворен Богом, наделен свободой выбора, поэтому помыслы его могут иметь различный характер, колебание как раз происходит из-за возможности выбирать, творить акт своеволия. Воображение человека, его мысли, могут быть конструктивными, то есть помогающие духовному росту, расширяющие границы сознания, так и деструктивным - разрушающие психику человека, часто ведущие к смерти.

Человек в своем сознании может представлять как Бога, так и дьявола, или черта, который преследовал многих героев писателя. Ф.М. Достоевский очень точно понял дуальную природу человека: образ Бога, однако не уничтожает свободу воли и выбора человека. Сердце человека, это место где Бог и черт борются «на равных», свободно давая человеку право выбирать, колебаться, а также нести ответственность за свои поступки. Представляя образ Бога, в своем сознании, пытаюсь устроить жизнь в соответствии с данным образом, человек открывает для себя путь к истинному бытию, этих людей не чувствуют в своей душе сомнений, они уверены в своем знании, они не колеблются в своем решении. Представление образа беса, неуверенность, колебания, метания, есть разрушение, путь в небытие, в данном случае свою

самость человек утверждает через грех. Индивид, имея свободу выбора, должен сам в своем сознании выбрать свой путь. Ф.М. Достоевский говорит, что в каждом человеке есть частичка Бога, все люди созданы по образу и подобию, образ Бога заложен в человеке априорно, бесовское начало отражается в сознании человека от мира, в котором он находится.

Изначально, с рождения, человек верит в хорошее, верит в людей, он не колеблется в принятии правильного решения, он знает, как нужно поступать, хранит в себе образ Бога. В дальнейшем человек находясь в мире, приобретает определенные знания, опыт, его начинают обуревать сомнения, он колеблется и сомневается, правильны ли его установки на жизнь, он начинает колебаться в жизненных устоях. Сознание человека отражает все, что он наблюдает в предметном мире, этот мир, так же как и образ Бога допускает представление бесовских образов. И. Ильин писал что человек, не посягающий судить ни о священных предметах, ни о священном в предметах, гораздо менее рискует впасть в пошлость, нежели человек, посягающий на «предметное» [Ильин 2002: 76]. Получается, что лучше для человека не размышлять о священном, чтобы в последствии, не находиться в том образе жизни, который означал бы отказ от этого священного. Человек же, который несет в своем сознании образ Бога, что на нем лежит огромная ответственность за чистоту этого образа. Возникает вопрос: как без образа Бога человек сможет найти основу для своего духовного роста? Благодаря каким идеям, сможет организовать свое бытие в правильном направлении? Какова будет его мораль? «А слышал давеча глупую теорию. Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено. Вся его теория — подлость! Человечество само в себе силу найдет, чтобы жить для добродетели, даже и, не веря в бессмертие души!» (Братья Карамазовы). Из слов героя романа «Братья Карамазовы» Ракитина выходит,

что человек может жить без образа Бога в своем сознании, он сам становится для себя Богом.

Как мы понимаем, рассматривая проблему колебания в трудах Ф.М. Достоевского нужно учитывать то, что он является исключительно религиозным писателем.

Ф.М. Достоевский всю жизнь «мучился» мыслью о Боге. Поэтому в его лице больше чем в лице кого-либо другого, мы имеем дело с философским творчеством, выраставшем в лоне религиозного сознания. Ф.М. Достоевский старался показать, что человек не может жить без Бога, что человек хочет быть рядом с Богом. Человек – загадочен, противоречив. Человек раскрывается в свободе, только в ней он может самоутвердиться, по своей воле жить. В своих работах он показывает колебания героев, их мучения в поиске Бога. Ф.М. Достоевский в своих произведениях ввел понятие богочеловека и человекобога. Богочеловек - это идеальный человек, это тот, кто максимально близок к образу Христа. Точкой пересечения Бога и человека является страдание. Страдание у богочеловека не умственное, а живое, сострадательное. Для богочеловека очень важна любовь к ближнему, любовь к Богу. Богочеловек мало колеблется, он живет в любви, ему не нужен поиск. Человекобог, в отличие от богочеловека, добивается своей богоподобности, благодаря самопознанию вне зависимости от образа Христа. Человекобог, это не просто человек поступков, это тот, кто стремится уничтожить Бога и стать на его место. Человекобог претендует на статус Творца. Он имеет право изменять этот мир. Этот человек имеет право на преступление. Человекобог – это тот человек, который подвержен колебанию, сомнению. Он одержим своей идеей, но все же, он нуждается в Боге, он сомневается в своей идее. Ф.М. Достоевский старался показать, что человек не

может жить без Бога, что человек хочет быть рядом с Богом. Человек – загадочен, противоречив. Человек раскрывается в свободе, только в ней он может самоутвердиться, по своей воле жить. Человекобог это человек колебания, сомнения, человек ищущий. Герои колеблются, они хотят выбрать наиболее верный вариант для себя, они свободны в своем выборе. Кириллов, Ставрогин, Раскольников, Великий инквизитор, Иван Карамазов – это все колеблющиеся люди, люди, выбирающие между своей идеей и Богом, его требует их дух. Все эти люди несут свою определенную идею, которая заключена в их понимании жизни, в определенных устоях, в которых видны «мучения разума». Из этого следует, что колебание – это операция, которая происходит в сознании человека, это выбор субъекта между ситуациями, поиск лучшего варианта, по мнению человека. В романе «Преступление и наказание»: «Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...». Когда нам видны рефлекторные колебания главного героя, в его размышлениях мы видим его стремление почувствовать себя гением, но для того, чтобы это ощутить нужно встать на место Бога, распоряжаться судьбой другого человека. Он колеблется между жестокими требованиями интеллекта и чувством сострадания.

Ситуация колебания присуща в основном человекобогу, человеку мыслящему. Колебание представляет собой интеллектуальные мучения человека, в основном это люди достаточно образованные, которые мучаются между желанием быть лучше, жить по закону Божьему, или совершить акт своеволия.

Библиографический список

1. Акимова С. А. Лексико-семантическое поле «единство» в индивидуальной языковой системе Ф. М. Достоевского (на материале романа

«Братья Карамазовы» // Теория языкознания и русистика: наследие В. Н. Головина. Нижний Новгород, 2001. С. 12–14.

2. Долженкова А.И. Коммуникативно-прагматическая ситуация колебания, средства и способы ее репрезентации в современном русском языке [Текст]: диссертация / дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук: 10.02.01/ А.И. Долженкова— Белгород, 2014. — 203 с.

3. Логвинова О. В. Н.Н. Страхов и Ф.М. Достоевский: аспекты мировоззрения. // «Н.Н. Страхов и русская культура XIX-XX вв.: к 180-летию со дня рождения»: материалы международной научной конференции. 2008. С. 76-77.

4. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. // И. Ильин. М., 2002. С. 67-105.

5. Корман Б. О. Проблема автора в художественной прозе Ф. М. Достоевского // Корман Б. О. Избр. труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. С. 159–176.

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 01/ 141.32

Абдурашитова Э.И. Сравнительный анализ романов «Шагреневая кожа» Оноре де Бальзака и «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда

Comparative analysis of novels "The Magic Skin" of Honoré de Balzac and "The Picture
of Dorian Gray" of Oscar Wilde

Абдурашитова Эльмаз Иса кызы,
Студентка, Крымский инженерно-педагогический университет

Abdurashitova Elmaz Isa gizi,
Student, Crimean Engineering and Pedagogical University

Аннотация: В работе рассматриваются типологическая связь и художественная символика в произведениях Оноре де Бальзака «Шагреневая кожа» и Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея».

Ключевые слова: художественное сходство, сравнительный анализ, символика, литература народов мира.

Abstract: The typological communication and art symbolics in Honoré de Balzac's works "The Magic Skin" and Oscar Wilde "The Picture of Dorian Gray" are considered.

Keywords: art similarity, comparative analysis, symbolics, world literature.

On material of a novelistic genre of the 19th century literature: Honoré de Balzac — "The Magic Skin" and Oscar Wilde — "The Picture of Dorian Gray" — it will be revealed an art function of symbolics and shown its typological similarity and distinction by method of the comparative analysis. Relevance is defined by the fact that comparative approach to studying of various aspects of fiction is a component of the general process of an intensification cross-cultural. Such concepts as dialogue of cultures, dialogue of literatures are rather urgent presently. The choice of works is caused by the fact that creativity of these classics of the European literature belongs to the XIX century which has become cultural history as the period

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

of intensive development of various art methods. It should be noted certain literary parallels of the main characters. The contents of both novels bear in itself deep philosophical meaning.

The problems concerning Balzac's creativity have found reflection in works of the following researchers: E. Etkind [5], G. Hrapovitskaya [3]. Works are devoted to questions of creativity of Wilde: E. Chernozemova [4], M. Urnov [2]. In this article these works have been used as a basis of the offered analysis. The considered novels are written by their authors independently from each other. However, the subject of their works has something in common. More half-centuries divide these books: the novel "The Magic Skin" has been published in 1831, and the novel "The Picture of Dorian Gray" — in 1891. Wilde's novel "The Picture of Dorian Gray" was published in 1891 noted with extraordinary popularity of various esthetic tendencies and new directions in all art forms.

If Balzac includes an element of romantic symbolics with the purpose to accent philosophical sense of this work and not to come back to similar reception in the further creativity, remaining as the artist, faithful to a realistic method of the image, then Wilde consciously designs not only this, but also other works on the basis of a paradox. The novel has brought to the author scandalous popularity [4, page 324].

Balzac's novel "The Magic Skin" is criticised as a philosophical parable. Balzac wrote that all in it is "the myth and a symbol". The French word "le chagrin" can be translated as "shagreen leather" ("pebble-leather"), but it has a homonym: "le chagrin" — "grief", "grief". And it is significant: fantastic skin is capable to grant any desire, was the reason of a bigger grief [3, page 51]. But the form of a parable doesn't contradict that in this work the picture of real life is represented in all completeness. The main character of the novel — the young poet Rafael de

Valanten, honest and noble, but fallen into a stalemate, in a despair rush appears in one of gambling houses of Paris and stakes the last gold coin, and loses. He decides to commit suicide, but the old antiquary gives him a piece of the pebble-leather capable to grant all his desires, but at the price of his own life. Balzac represents Rafael de Valanten's regeneration after receiving millions. Raphael can possess everything, but the fading skin kills in him ability to wish. To live, he refuses the life, becoming the servant of the wealth. "Raphael could do everything, but hasn't made anything". The reason for that is egoism. With Raphael's history in Balzac's creativity one of his central themes — a subject of the talented, but poor young man losing illusions of youth in collision with heartless bourgeois and noble society is approved. In this regard the symbolics doesn't distract at all, and on the contrary, focuses the main idea of the novel parable. Thus, the fantastic symbolics of the work accents an author's plan. To the same purpose serves also an antithesis of two female images — Polina, the embodiment of unconditional love, and Feodora in whom are inherent callousness, egoism, narcissism. One of important figures is the antiquary revealing to Raphael "a secret of human life". Rastinyak could achieve all his goals.

Considering a mythological component of the analyzed novels, it is possible to allocate some characteristic images symbols: "guardian angel" and "demon tempter". In the novel "The Picture of Dorian Gray", "guardian angel" is the artist Basil Holluord. And "demon-tempter" unambiguously is Henry Uotton. The author has enclosed a set of paradoxical judgments in lips of this character. Having pursued new impressions, Dorian loses any idea of the good and evil. His soul becomes more and more corrupted. Egoistical thirst of pleasures turns into brutality and crime. In "The Magic Skin", readers easily identify an image of "guardian angel" with Polina. As an ideal, as a symbol of perfect beauty, purity, harmony, she is unattainable [1]. To choose Polina, noble, hardworking, full of touching sincerity and kindness,

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

means refusing of a convulsive pursuit of wealth. The antiquary appears as "demon-tempter". Raphael was struck by gloomy humour of a strong face of the old man. The owner of an antique shop "has received everything because he managed to neglect everything". Having analysed images of "demon-tempter" and "guardian angel" in both novels, it is possible to designate literary parallels between Henry Uotton and the antiquary (images of "demons"), and — Basil Holliuord and Polina Goden (images of "angels") of .sovershenny beauty, purity, harmony, she is unattainable [1].

Subject of the Oscar Wilde's novel "The Picture of Dorian Gray" is perception of reality through art, beauty, the good and evil. The writer declares that for him the prime target of the artist is not aspiration to high sense of good through fine, and beauty cult. However, contents conflicts to a similar postulate. The novel approves such truth: life is mortal, art is eternal and fine. But the aspiration of the person to make the life as fine as works of art, without reckoning with the moral principles, leads him to degradation and death. As for Honoré de Balzac's novel "The Magic Skin", this work at once after issue has won wide reader's audience.

Библиографический список

1. Balzak O. de. Shagrenevaya kozha / O. de Balzak.- M.: Prosveschenie, 1990.
2. Urnov M. V. Oskar Uayld // Istoriya zarubezhnoy literaturyi kontsa XIX — nachala HH veka: Uchebnik dlya filol. spets. un-tov / Pod red. prof. L. G. Andreeva / M. V. Urnov.- M.: Vyssh. shkola, 1987.- S. 347–354.
3. Hrapovitskaya G. Balzak // Zarubezhnyie pisateli. Bibliograficheskiy slovar. V 2 chastyah. Ch. 1. A-L / Pod red. N. P. Mihalskoy.- M.: Prosveschenie, 1997 / G. Hrapovitskaya.- S. 49–57.

4. Chernozemova E. Uayld // Zarubezhnyie pisateli. Bibliograficheskiy slovar. V 2 chastyah. Ch. 2. M-Ya / Pod red. N. P. Mihalskoy / E. Chernozemova.- M.: Prosveschenie, 1997.- S. 323–325.

5. Etkind E. G. Seminariy po frantsuzskoy stilistike. Chast 1. Proza / E. G. Etkind.- M.-L.: Prosveschenie, 1964.- S. 116–122.

УДК 821.133.1"19".09

Павлюк Т. П., Куровская И. Р. Символика мифических персонажей во французской литературе модернизма (на материале произведений Ж. Кокто и А. Жида)

The symbolism of the mythical characters in French literature of modernism
(based on the works of J. Cocteau and A. Gide)

Павлюк Татьяна Павловна,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской
и украинской филологии с методикой преподавания,
Гуманитарно-педагогическая академия ФГАО ВО
«Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского» (г. Ялта)

Pavliuk Tatiana Pavlovna

Ph.D., Associate Professor, Department of Russian
and Ukrainian languages with methodic of teaching,
Humanitarian-pedagogical Academy FSAEI HE
«Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky» in Yalta

Куровская Ирина Ростиславовна,

Кандидат искусствоведения, старший преподаватель
кафедры музыкальной педагогики и исполнительства,
Гуманитарно-педагогическая академия ФГАО ВО
«Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского» (г. Ялта)

Kurovskaya Irina Rostislavovna,

PhD, senior lecturer, Department of music pedagogy and performance,
Humanitarian-pedagogical Academy FSAEI HE
«Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky» in Yalta

Аннотация: В статье проанализирована символика мифических персонажей французской литературы эпохи модернизма. Выделенная концептуальная группа символов была исследована в дискурсе экзистенциализма. Выявлено, что в эстетике модернизма усиливается обращение к мифологии как к средству структурного повествования.

Ключевые слова: миф, символ, интертекст, интерпретация, экзистенция, культурный код.

Abstract: In the article the symbolism of the mythical characters of French literature of modernism is considered. Conceptual group of symbols were selected and examined in the discourse of existentialism. It is revealed that an appeal to mythology in the aesthetics of modernism is enhanced as a mean of structural narrative.

Keywords: myth, symbol, intertext, interpretation, existence, cultural code.

Декодирование художественного текста, особенно насыщенного мифологической символикой, что характерно для французской модернистской

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

литературы, предполагает движение читательской мысли от информации поверхностной к информации глубинной. Однако содержательно-концептуальная информация художественного текста не всегда воспринимается корректно. Часто понимание произведения сводится к фактуальной информации, а сама концептуальность остается неприступной для читателя. Это происходит в результате неумения пользоваться инвентарем средств языкового анализа или в результате недостаточного общего тезауруса читателя [8]. Наука о языке определила ряд приемов, таких как метафора, метонимия, ирония, перифраз, сравнение и др. с помощью которых происходит реализация содержательно-концептуальной информации через фактуальную.

Среди указанных выше средств реализации двухпланового сообщения известны также аллегория и символ – выражение абстрактного понятия конкретным предметно-образным изображением. Такого рода средства стали уже традиционными знаками «кода» языка художественной литературы. В нашей статье предметом исследования были избраны символы персонажей, которые являются частью системы мифологических символов французских текстов А. Жиде «Тезей» и Ж. Кокто «Орфей».

Античный интертекст является сквозным в истории мировой литературы. Даже в Средние века, то есть в эпоху совершенно иной общественно-экономической формации (феодализм) и религии абсолютного духа (в противовес земной античности, особенно в произведениях более поздних трагиков), повсюду встречаются античные реминисценции. В Академии, основанной Карлом Великим (VIII в.) в городе Аахене, античная литература культивировалась учеными, древних поэтов наследовали.

Для людей Ренессанса античность становится идеалом полной свободы тела и духа; она знаменует собой бурный рост индивидуализма молодежи.

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

Первые шаги Ренессанса полны жадой все понять, охватить, присоединиться к земной мудрости античного мира.

В течение более поздних веков античность становится выразителем сокровенных идей каждого поколения. В эпоху французского абсолютизма (Новое время) Н. Буало издает трактат «Поэтическое искусство» (1674), имея образцом Горация, и противопоставляет меру, благородство, стройность формы античной литературы средневековой «варварской» поэзии. Безграничность и мощь индивидуумов Ренессанса теперь контролируется разумом; страсти героев упорядочиваются мыслью, которая декламируется в трагедиях Корнеля и Расина. Рассудительно-героический идеал античности и романтизма прочитывается в «Прометее» Дж. Байрона, «Освобожденном Прометее» Г. Шелли, «Пентесилее» Г. Клейста, «Смерти Эмпедокла» Ф. Гельдерлина.

Новая литература, пройдя испытания двух мировых войн, также презентует вечные античные сюжеты. Во Франции пишут: Ж. Кокто – «Антигона» (1922), «Царь Эдип» (1925), «Орфей» (1928), «Вакх» (1951); А. Жид – «Эдип» (1930), «Тезей» (1946); Ж. Жироду – «Троянской войны не будет» (1935); А. Камю – «Калигула» (1943); Ж. Ануй – «Антигона» (1941).

Намерение писателей полемизировать с предыдущими текстами на разных информационных уровнях воплощается в понятии диалогической интенции, с помощью которой осуществляется реинтерпретация античных, мифических сюжетов в соответствии с веяниями нового времени.

О. Забужко отмечает, что литература функционирует прежде всего как миф, и только в форме мифа способна влиять на менталитет эпохи: миф тогда делается «проводником» текста, обволакивает его своим эмоционально-суггестивным («магическим») контекстом и таким образом обеспечивает ему

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

культурную временную продолжительность, – именно в ауре мифа текст «начинает излучать ту притягательную силу вечной тайны, которая порождает в нем новые и новые вопросы и, следовательно, предопределяет наращивание вокруг него следующих «культурных слоев» – цитат и парафраз, экранизаций и инсценизаций, разного рода интертекстуальных игр и тому подобное» [3, с. 213].

Философия экзистенциализма, в русле которого творили Ж. Кокто и А. Жид, как раз открывает античный текст для выхода в бесконечно развернутое интерпретационное пространство, предоставляет доступ к многомерности играющих в нем смыслов.

Вопросом мифологии во французской литературе занимались такие ученые, как Е. Мелетинский, Ю. Лотман, Ц. Дылыкова, В. Лукасик, которые высветлили следующие проблемы: соотношение, или правопреемственность, понятий литературы и мифа, трансформацию античной мифологии во французской поэзии позднего Средневековья, орфический миф во французской культуре второй половины XX века. Тем не менее, на сегодня вопрос об освещении персонажей-символов указанных текстов остается открытым, что и обуславливает актуальность данной работы.

Цель статьи – исследовать функционирование персонажных мифологических символов во французской литературе экзистенциализма. Для реализации задачи исследования, заключающейся в преобразовании тайных смыслов в смыслы явные, представилось целесообразным классифицировать анализируемые символы по следующим группам: 1) божественные персонажи; 2) человеческие персонажи; 3) животные персонажи.

Функционирование божественных персонажей в пьесе Ж. Кокто «Орфей» осуществляется с помощью атрибутов мифических богов Аполлона

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

и Диониса – солнца, луны и вина. Автор избегает использования образов богов непосредственно, поскольку антагонистические отношения персонажей приобрели бы нескрываемый морализаторский характер. Ж. Кокто удовлетворяется созданием мистической, таинственной атмосферы в салоне Орфея, убирает из произведения концептуальные основы этих двух культов, которые только опосредованно, через аллюзию присутствуют в тексте:

- 1) **Эвридика.** Ты славил солнце. Ты был его верховным жрецом (*Аллюзия на Аполлона – бога солнца*).
- 2) **Орфей.** Прелестное общество [...] Её влияние едва не погубило тебя! Эта женщина пьянствует, разгуливает с тиграми на поводке, сбивает с толку наших жен, препятствует девушкам выходить замуж [4, с. 223] (*Аллюзия на Диониса – бога вина и увеселения*).

По мифологическим источникам, почитание бога Диониса сопровождалось дикими оргиями, на что ссылается Орфей Ж. Кокто и что его раздражает как представителя «высшего», более благородного мировоззрения (жреца Аполлона). Дионис считается богом низших слоев общества, поскольку ему не хватает генетической божественности, потому что он – сын Зевса и земной женщины [11]. Представителем его культа в произведении выступает Агланика, единственный персонаж, который, выполняя одну из главных ролей, присутствует в тексте заочно, через реплики других персонажей о ней.

Показательными являются использованные автором предложения со словами «солнце» и «луна» в роли объектных смысловых комплексов: «Но это же все культ луны»; «Ты славил солнце»; «И я плюю на солнце и луну»; «Я буду тихая, послушная и ласковая, как лунный свет»; «Сегодня у нас день солнечного затмения» [4]. Ж. Кокто сознательно дистанцирует своих героев от культовых идеологических стержней и вплетает в контекст тему конфликта

человека и Божества, акцентирует внимание на добровольном самоотстранении персонажей от ведущих духовных ориентиров общества. В такой ситуации Орфей становится новым ориентиром не только для своей жены, Эвридики, но и для самого себя (нарциссическая личность). Символическая роль солнца как источника жизни, света, духовного прозрения человека нивелируется Ж. Кокто. Символы солнца и луны он использует для обозначения антагонистических отношений мужского и женского пола, где солнце – прообраз мужского начала, определяющего, «господствующего», того, что дает духовный свет, а луна – прообраз женского, что трактуется как небесное тело, которое пассивно воспринимает (или: лишь отражает) свет солнца [12]. Женское начало реализуется в произведении через образы Эвридики и Агланики. Оно находится в постоянной оппозиции к мужскому (Орфей) и в конце побеждает его. В день убийства Орфея случается солнечное затмение:

Комиссар (самодовольным тоном). Молчать. Послушайте-ка, что я вам скажу, голубчик. Сегодня у нас день солнечного затмения. И это затмение стало причиной полнейшего поворота в общественном мнении в пользу Орфея. Все надели траур [4, с. 247].

Однако в затмении общество видит только часть истины: гнев солнца, – и не замечает его вторую часть – победу луны, которая, по астрономическим данным, во время затмения надвигается на солнце таким образом, что солнце, луна и Земля выстраиваются в одну линию. Итак, становится понятным, почему Агланике успешно удастся манипулировать коллективным сознанием после убийства Орфея: она женщина, наделенная магической властью через служение культу Диониса. Автор выводит ее на позицию триумфа благодаря символическому применению образов солнца и луны. Агланика всегда

упоминается в произведении в связи с Эвридикой. Орфей ревниво, неоднозначно упрекает жену за ее прежнюю принадлежность к обществу этой божественной женщины и прилагает больших усилий, чтобы не акцентировать внимание на причастности Эвридики к культу Диониса. На последнее косвенно указывает такая немаловажная деталь, как вино. Образ вина, одного из главных атрибутов вакхических оргий, появляется в последнем явлении пьесы, после воссоединения героев в потустороннем мире и доказывает приведенный выше тезис о победе дионисийского (женского) начала. Приведем последний полилог пьесы.

Эвридика. Милый, ты, кажется, хотел *вина*.

Орфей. Погоди, сперва молитва.

Все трое встают. Орфей читает молитву [...] Садятся.

Эртебиз. Налить вам?

Орфей (почтительно). *Позвольте это сделать Эвридике* [4, с. 249] (курсив наш).

В «Тезее» А. Жида божественных персонажей нет, поскольку автор, воплощая экзистенциальный путь героя, сдерживает проявления трансцендентного в произведении, сакрализирует профанный мир; исключает возможность влияния иррациональных, метафизических факторов на ход истории. Отрицая возможную подчиненность высшим силам, Тезей говорит: «Я больше всего хотел остаться свободным. Я принадлежу только самому себе» [2].

Символика человеческих персонажей составляет подавляющую часть символов анализируемых произведений и характеризуется нивелированием их первичных смыслов. Остановимся на самых главных из них: в произведении Ж. Кокто это Орфей, Эвридика, Эртебиз; у А. Жида – Тезей, Дедал и Икар.

В контексте античных мифологических представлений образ Орфея связывается с божественным даром – искусством стихосложения, музыки, пения. Он однозначно положителен, является символом верной, страстной любви, ревностного служения культу Аполлона. У Ж. Кокто образ Орфея наполняется совсем другим содержанием. Он становится антиподом античному Орфею: тщеславный, самовлюбленный псевдопоэт, ориентированный на профанный мир и получение непрочной человеческой славы, неспособен к оригинальному творчеству, глубоким чувствам, склонен к псевдофилософским рассуждениям. Символическое значение авторского образа приобретает негативный пафос, следовательно, это бездарность, закомплексованность и духовная узурпация. Эвридика Ж. Кокто отдаленно напоминает нимфу из античных источников: нежную, страстную жену, музу Орфеевой поэзии (однострочный стих Орфея «Жена Орфея преодолет Аид» касается именно Эвридики). Однако Эвридика Овидия представлена в неразрывном единстве с природой, а Эвридика Ж. Кокто – с социумом, культом Вакха и тем самым коннотативное значение невинности образа заменяется испорченностью.

Эртебиз – новый авторский образ в истории об Орфее, вымышленный Жаном Кокто для обозначения посланца из потустороннего мира. Символика этого образа коренится в христианской мифологии, поскольку Эртебиз, по сюжету, является ангелом-хранителем супругов. Эртебиз используется автором как носитель мистических способностей и тех функций, которых лишен Орфей Жана Кокто в отличие от античного образа: ангел советует Орфею, как забрать Эвридику из Аида, помогает прочесть зашифрованное послание, является стержнем духовного равновесия Эвридики.

Тезей А. Жида также не сохраняет свою прототипическую семантику. Он

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

не является «утопическим праведным царем, исполненным благородства» или «воплощением верности, правды, законности» [11, с. 183], каким его изображают античные авторы Эсхил и Еврипид. Он – эстетик, ориентированный на познание чувственного наслаждения, скептик, который не доверяет нематериальному (читай: божественному), его правда и законность – собственные эмпирические субъективные категории. Единственный характерологический момент, который сохраняется А. Жидом – это победа чувств влюбленного мужчины над чувствами отца, которые ослепили здравый смысл Тезея и заставили поверить в вину своего невинного сына Ипполита.

Иную трактовку получает образ Дедала – античного учёного и художника, который символизирует изобретательность, прогресс, научно-экспериментальную отвагу человека. А. Жид опускает традиционную версию сюжета, по которой Дедал убивает своего ученика Талоса за то, что тот достиг большего мастерства в искусстве скульптуры. Дедал у французского автора – представитель высшего слоя общества, который не позволил бы себе совершить такое насилие над другим человеком: «Жаль, что мне пришлось покинуть Аттику вследствие возникших разногласий с моим племянником Талосом, ваятелем, как и я, моим соперником. Он приобрел благосклонность толпы, настаивая на своем изображении богов, которым придавал величественные, но скованные позы, в то время, как я, освободил их тела, приблизил богов к нам»; «Я настаиваю на том, что человека следует изображать богоподобным» [2]. Дедал у А. Жида – воплощение неморализаторской мудрости и духовной рассудительности.

Из-за непокорности и чрезмерного желания подняться как можно выше к солнцу образ Икара, по греческой мифологии, символизирует неадекватную

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

оценку своих возможностей. А. Жид развивает этот символ, углубляя его мистическими интересами героя, трагическим поиском Божества, обогащает его психологически. Он вкладывает в уста героя вечные экзистенциальные вопросы, которые волнуют не только человечество в целом, но и лично самого А. Жида: «Но причина всему прозрачный Бог? Бог работы, Бог усилий? И для чего? Смысл бытия? Поиск всех причин? Куда стремиться, если не к Богу? Когда можно сказать: вот он, дальше идти некуда? Как достичь Бога, исходя из человека? И если я исхожу от Бога, как мне достичь себя? Тем временем, в такой же степени, как Бог сотворил меня, не сотворен ли Бог человеком? К точному скрещению путей, к сердцу этого креста устремляется мой дух» [2]. Таким образом, Икар остается символом человеческого беспокойства, опыта, поэтического подъема, которые он олицетворял в течении своей короткой жизни. Он не остановился на самом себе и именно это, по А. Жиду, становится поводом для переосмысления его поступка поэзией и другими видами искусства.

Символами животного мира в трагедии Ж. Кокто выступает Лошадь, которая помогает Орфею в силу своих мистических способностей делать революцию в поэзии, а в повести А. Жида Минотавр, человек-бык, которого должен преодолеть Тезей для пополнения своего героического списка. Хотя Минотавр имеет божественное происхождение (по мифологическим представлениям, его отцом был Зевс, который появился в Пасифае в виде быка), и в античных источниках, и у А. Жида в его образе преобладает животное начало, что позволяет отнести его к животной, а не персонажной символике произведения.

Итак, символом чего является Лошадь и почему именно она была избрана Жаном Кокто в советники своему герою? Лошадь (конь) –

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

олицетворение мощи и жизненной силы [12, с. 198]. Первоначально она была связана с царством мертвых, но позже возвысилась до символа солнца или, по другим источникам, до животных в упряжке солнечной колесницы [10, с. 115]; символ победы. В легендах и мифах лошадь часто выступает в роли царского, волшебного существа, которое говорит человеческим языком и обеспечивает доверенных ему людей хорошими советами. Перечисленные определения дают основания Орфею Ж. Кокто довериться находке – белой лошади, которая, хотя и имела странные ноги, похожие на человеческие, однако отождествлялась в сознании героя с культом Аполлона. При том, что бог солнца, покровитель деятелей искусства, был отвергнут поэтом, все, связанное с его образом, внушает чувство безопасности и уверенности. Образ лошади функционирует в произведении в своем первоначальном символическом значении – представляет потусторонний мир и называется Орфеем не иначе, как «демон». Амбивалентность образа снимается, акцентируется его негативность и враждебность, что помогает концентрации атмосферы подозрительности в пьесе.

У А. Жида Минотавр разделяет судьбу многих критских мифологических образов, которые имеют черты получеловеческие, полуживотные. Однако особенностью мифа о Минотавре является не его зооморфизмы или комизм, а то, что он подземный житель. Представление о нем навсегда связано с подземельем и это означает, что он сам является символом подземного мира. В очередной раз А. Жид противопоставляет созданный им образ чудовища античной версии, по которой Минотавр – чудовище-людоед, воплощение ужасных человеческих инстинктов. Уродство – первый момент, с которым полемизирует французский автор: «К счастью, он спал, я должен был поторопиться, чтобы воспользоваться его сном, но вот, что

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

меня остановило и задержало мою руку: чудовище было красиво. Как это случается с кентаврами, в нем гармонично сочетались человек и зверь» [2].

В проекции на человеческую психику, Минотавр в лабиринте олицетворяет страх, который мешает человеку быть свободным. В философии экзистенциализма – это экзистенциальный страх перед неотвратимостью смерти, абсурдности жизни, страх, который коренится в глубинах человеческого «Я», и который Тезей побеждает в себе. Этот последний героический подвиг носил освободительный характер не только для человеческой общности (так как прекратились человеческие жертвы, удовлетворявшие аппетиты Минотавра), но и лично для духовного мира Тезея: начинается новый этап его жизни – властвование. Достигнув состояния свободы, Тезей наделяется правом освобождать других людей от страха: «Есть время побеждать, говаривал я Перифою, *очищать землю от чудовищ*, а потом возделывать и собирать плоды счастливо очищенной земли; время *освободить людей от страха*, а потом время занятий их свободой, привести к выгоде и цветам их достатка» [2] (курсив наш).

Проведенный анализ дает возможность убедиться в глубокой символичности произведений французских авторов, которые, используя систему символов мифических персонажей, достигают высокого эстетического и психологического уровня мастерства и творят собственную модель мифа, наполняют традиционные символы новой семантикой. Реинтерпретацию мифа можно считать ценнейшим опытом литературы XX века (Я. Полищук). Для монументального художественного замысла миф нужен прежде всего как канва, «рамка», внутренняя, интеллектуально-психологическая фабула. Традиционные функции художественного мифотворчества в исследуемых произведениях воплощаются своеобразно. Во-

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

первых, авторов интересует функция черпания из мифа конкретных элементов и мотивов, фрагментарное обращение к мифу. Во-вторых, функция выведения из мифа общих истин, соотнесенных с общефилософскими тенденциями эпохи, имеет здесь первостепенную важность. Миф об Орфее превращается под пером Ж. Кокто в авторское видение гибели настоящего искусства, творческой бездарности и бездуховности.

Ж. Кокто и А. Жид как писатели-модернисты увлекаются символизацией действительности. Но отдельные символы свела в единую цельную систему именно мифология. В эстетике модернизма усиливается обращение к мифологии как к средству структурного повествования. В реализации своих художественных задач авторы умышленно дистанцируются от реальности, пытаются выработать символическую художественную речь, способную достигнуть глубин человеческого естества. Древнее повествование, в его традиционном смысле, искажается авторами в своих произведениях. Они пытаются не просто актуализировать этот смысл для современников, но и обеспечить его разноуровневое прочтение и восприятие. Поэтому, конечно, о сохранении аутентичности первоисточника в этом случае речь не идет. Присутствие авторского сознания и авторской воли в модификации мифологического повествования неоспорима: она находится в конфликтном, а не корректном отношении к первоисточнику. На примере анализируемых произведений можно утверждать, что французская литература эпохи модернизма, заново творя символическую парадигму бытия и сущности человека, основывается на интерпретации мировых литературных архетипов, уже произведенных культурных кодов прошлых эпох.

Библиографический список

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

1. Дылыкова Ц. Д. Орфический миф во французской культуре второй половины XX века : [Электронный ресурс]. URL : <http://dislib.ru/kulturologiya/74429-1-orficheskiy-mif-vo-francuzskoy-kulture-vtoroy-polovini-veka.php> (Дата обращения: 06.05.2017).
2. Жид А. Тезей : [Электронный ресурс]. URL : http://www.e-reading.club/bookreader.php/101995/Zhid_-_Teseii.html. (Дата обращения: 04.05.2017).
3. Забужко О. Хроніки від Фортінбраса : Вибрана есеїстка 90-х / Оксана Забужко. – К. : Факт, 2001. – 340 с.
4. Кокто Ж. Петух и Арлекин / Жан Кокто [составление, предисловие и избр. примечания М. Д. Яснова]. – СПб. : ООО «Кристал», 2000. – 864 с.
5. Лосев А. Ф. Античная мифология в её историческом развитии. Монография / А. Ф. Лосев. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство министерства Просвещения РСФСР, 1957. – 620 с.
6. Лотман Ю. Литература и мифы / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский : [Электронный ресурс]. URL : <http://www.symbolarium.ru/index.php> (Дата обращения: 06.05.2017).
7. Лукасик В. Трансформация античной мифологии во французской поэзии позднего Средневековья : [Электронный ресурс]. URL : <http://cheloveknauka.com/transformatsiya-antichnoy-mifologii-vo-frantsuzskoy-poezii-pozdnego-srednevekovya> (Дата обращения: 06.05.2017).
8. Мелетинский Е. От мифа к литературе : [Электронный ресурс]. URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet4/index.php (Дата обращения: 06.05.2017).

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

9. Мітосек З. Теорії літературних досліджень / З. Мітосек [пер. з польської В. Гуменюк, наук. ред. В. Іванюк]. – Сімферополь : Таврія, 2003. – 408 с.
10. Мифологический словарь : Книга для учителя/ М. Н. Ботвинник, Б. М. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Селецкий. – 4-е изд., исправ. и перераб. – М. : Просвещение, 1985. – 176 с.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / [гл. ред. С.А.Токарев]. – М. : Советская энциклопедия, 2008. – 1147 с. Электронное издание.
12. Энциклопедический словарь символов / [авт.-сост. Н. А. Истомина]. – М. : АСТ : Астрель, 2003. – 1056 с.

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 80

Палагина А.О. Психологический портрет негативного женского образа в романах Агаты Кристи

Psychological portrait of the negative female image in the novels of Agatha Christie

Палагина Анна Олеговна,

Магистр психологии

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Palagina Anna Olegovna,

Master of psychology

Kaluga state University. K. E. Tsiolkovsky

Аннотация: Изучение личности человека интересный процесс, но перенос литературного персонажа в осознание реальной жизни вызывает не меньший интерес, так как это прежде всего литературное (писательское) искусство. Особенно ярко образ негативного героя (преступника) отражен в романах английской писательницы Агаты Кристи – королевы детектива.

Ключевые слова: психоанализ художественного произведения, личность преступника, женский образ, главный (негативный) герой и отношение автора к персонажу.

Abstract: The study of a person's personality is an interesting process, but the transfer of a literary character into an awareness of real life is of no less interest, since it is primarily literary (literary) art. Particularly bright image of the negative hero (the criminal) is reflected in the novels of the English writer Agatha Christie - the queen of the detective.

Keywords: psychoanalysis of a work of art, the identity of the criminal, the female image, the main (negative) character and the author's attitude to the character.

Каждое художественное произведение подобно загадочной картинке, в которой с помощью ряда приемов скрыто поведение человека. То же можно сказать и о ряде художественных произведений: он ограничен; достаточно найти шифр для понимания его, чтобы столь отличные на первый взгляд друг от друга произведения обнаружили как звенья одной цепи. О психоанализе в применении к истолкованию художественного произведения можно говорить лишь условно, как о сходном методе. В этом случае наводящие вопросы и всплывающие представления должны заменить в совокупности

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

сопоставление одних произведений автора с другими. Каждое художественное произведение еще больше совокупность их выражают систему идеологии автора [1, с.338].

В романе А. Кристи «Немой свидетель» (1937г.) дано развернутое описание личности преступника (в данном произведении это женщина).

В романе дано описание главной героини: «Едва её увидев, я понял, что *эта женщина чего-то боится*. Она мигом сообразила, что я это заметил, и тотчас *начала наживать себе на этом капитал*. Принялась *очень убедительно разыгрывать из себя женщину*, которая боится за своего мужа. А позже изменила тактику. Она проделала это крайне ловко. Женщина может бояться за своего мужа или может бояться своего мужа, но нельзя бояться за кого-то и этого кого-то одновременно. Она *испытывала неприязнь к мужу*. Она была не из тех, кто потакает своим желаниям, она попросту не могла себе этого позволить. Непривлекательная на вид девица, ведущая скучное существование, неспособная понравиться мужчинам, которые ей нравились. Я мог бы проследить, как *росло в ней отвращение к жизни*, к прозябанию в Смирне, вдали от всего, что она ценила. Затем – рождение детей и страстная к ним привязанность. И только одно скрашивало ее монотонную жизнь – ожидание смерти тети. Тогда у нее появятся деньги, независимость, средства на приличную школу для детей – не забудьте, *образование означало для нее очень многое*, ведь она была профессорской дочкой. Она немного разбиралась в химии – ей случалось помогать отцу в лаборатории. Она знала о природе недомоганий тети, но мячик. Нитка или струна поперек ступенек – простая, бесхитростная, чисто женская затея. И тогда незаметно, но настойчиво *эта замкнутая, несчастливая и очень честолюбивая женщина* начала претворять в жизнь свой план с ядом» [3, с.308-309].

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

По описанию психологического портрета возможно понять то, что главная героиня несчастливая, «забитая» обстоятельствами жизни решается на совершение преступления, так как мечтает о независимости и богатстве, но не знает каким образом получить желаемое... Но в характере её присутствует театральность, которую она использует в своих корыстных целях.

В романе А. Кристи «Пять поросят», написанном в 1942 году можно обнаружить детали портрета преступника, совершившего преступление, за которое наказание понёс другой человек. В данном произведении, как и в романе «Немой свидетель» преступление совершено женщиной. Главная героиня говорит о себе примерно в середине произведения, тогда и происходит знакомство с данным персонажем: «Да, я мстительная. В отношении тех, кто *причинил мне зло*. Та женщина была, по-моему, *ничтожной, безликой*. Она знала, что Э. *любит меня*, что он собирается ее оставить, и она убила его только для того, *чтобы он не стал моим*... Вы не усматриваете в этом подлости?» [4, с.122].

«- Мои мысли были *направлены тогда в одну сторону*. Иногда мне, как Джульетте, хотелось воткнуть в себя нож. Но поступить так – значило бы признать свое поражение. Признать, что жизнь победила тебя. *Я никогда не лицемерила!* Есть такая испанская присказка, которая мне всегда нравилась: «Бери то, что желаешь, и плати за это, - сказал Господь. Я так и сделала. *Я взяла то, чего желала*, и готова было оплатить все» [4, с.124].

Ниже приведены отрывки из текста романа, указывающие на характер и манеру поведения героини: «Эльза Диттишем *неспокойно двигалась* на своем стуле, *пристально глядя* на маленькую женщину в большом кресле. Она *недоверчиво спросила* ее: - Вы в самом деле видели, как она это сделала?»

Женщина нервозна, наблюдательна и недоверчива, что напрямую не указывает на преступное поведение, но показывает, что у неё выражено чувство вины и страх разоблачения и последующего наказания за содеянное деяние.

В произведении описано, что Эльза спускается по тропке *спокойная, радостная* и снова начинает позировать. *Веселым и естественным* голосом она разговаривает с Э.К., чтобы он ничего не заподозрил.

После расследования Эльза сказала:

«Если мне придется сидеть на скамье подсудимых, бороться за свою жизнь, тогда что-то и будет – жизнь, волнения... Может случиться, *это мне... понравиться*». Важен тот момент, что после совершения преступления прошло шестнадцать лет, то есть угрызения совести и чувство вины выражены и являются преобладающими в поведении рассматриваемого персонажа [4, с. 253].

В заключении разговора с Пуаро, Эльза ответила следующее:

«Он сказал ей, что *я ему безразлична*, что он *не любит меня*, что все кончится. Я нашла яд и дала ему. Я смотрела, как он умирает. *Никогда я не чувствовала себя более счастливой*, полной сил. *И не понимала, что убиваю себя*, а не его. Потом *меня поглотила забота*, чтобы К. попала в ловушку. Я не могла ей чем-либо навредить, ей все было безразлично. Она прошла сквозь все и спаслась от всего. Это *для меня непостижимо*. Не они умерли, а я умерла...» [4, с. 254].

Далее становится очевидным, что главная героиня в полном смятении и отчаянии, прослеживается её наивность и безмятежность. Такой человек вызывает жалость, но не безразличие. В поведении Эльзы видна актёрская игра и страх разоблачения перед обществом.

В романе А. Кристи «Немезида», более позднее произведение английской писательницы, датируется 1971 годом. В данном романе ярко описан образ преступницы, которая по истечении нескольких лет после произошедшего криминального события спокойно продолжает жить в особняке, где погребена жертва совершенного ею преступления. В данном произведении также как и в романах «Пять поросят» и «Немой свидетель» преступление совершено женщиной.

Первое впечатление, которое произвела Клотильда на мисс Марпл заключено в нескольких фразах: «Из Клотильды получилась бы великолепная Клитемнестра, с восторгом режущая своего мужа в ванне. Она не могла более никого убить» [2, с.106].

Таким образом, такая характеристика уводит читателя в другом направлении и к данному персонажу появляется чувство жалости при дальнейшем описании её поведения, но именно необычность такого поведения, обостренное чувство собственности держат в напряжении до самой развязки этой тяжелой истории в жизни трёх сестёр особняка.

«Непомерная любовь, которую Клотильда испытывала к этой девочке, *видевшей в ней свою героиню, зависевшей от нее*, но когда девочка повзрослела, то сдалась обыкновенным инстинктам». Но приёмная мать не намеревалась отпустить ее к молодому человеку, так как она *ненавидела и презирала его*. Впоследствии после совершенного преступления приемная мать переживала *скорби, горе, страх, возрастание в себе зла и поглощения им...* Она осталась жить *среди печали, несчастной любви, которой нельзя было вернуть*, среди двух сестер, *подозревавших ее, боявшихся ее*, рядом с так и не выпущенной ею из дома девушкой.

В произведении описан разговор мисс Марпл с главной героиней (убийце девушки): «- Так вы понимаете это, в самом деле понимаете? Да, я вижу, что это так... Тут ничего не поделаешь. *Наша память всегда возвращается к этому милому, любимому ребенку.* Она была мне как родная дочь. И, кстати, была дочерью одной из моих самых лучших подруг. Разумная была девочка. Очень умная. И хорошая художница. Она преуспевала в учебе живописи и дизайну. *Я очень гордилась ею.* И вот – несчастная страсть к этому жуткому умственно искалеченному мальчишке...»

«Старшая из сестёр, Клотильда, очень привязалась к Верити. Она делала все возможное, чтобы девочка была счастлива. Раз или два она возила ее за границу, брала для неё уроки живописи в Италии, любила и заботилась о ней, насколько это было возможно. Девочка всегда казалась счастливой» [2, с.231-232].

В отрывке приводятся слова из разговора об оранжерее, которая безвозвратно была утеряна и не восстановлена сёстрами особняка. Так описано к этому событию отношение главной героини (совершившей преступление много лет назад): «Аргументы, сами понимаете, бесполезны. Клотильда, конечно, действует в таких случаях прямо. Она просто *отказывается слушать* сестру и говорит, что *не желает больше слышать ни единого слова об оранжерее*».

Когда мисс Марпл спросила у трех сестёр про девушку Верити, то последовала следующая реакция: «Клотильда *отреагировала иначе, чем сестры.* Голова ее дернулась, она *чуть наклонилась вперед*, а затем *посмотрела не на гостью, но через всю комнату в сторону окна.* Кулаки ее *стиснулись, она совершенно застыла.* Глаза Клотильды наполнились слезами, покотившимися по ее щекам и *она даже не попыталась найти платок, не*

произнесла и единого слова. Исходящая от неё аура горя произвела неподдельное впечатление на мисс Марпл» [2, с.191-192].

В данном романе невольно становится жаль главную героиню, но трудно принять такую непомерную жестокость. Чувство собственности буквально переполняет личность преступницы и выводит в зависимость от предмета своей «безмерной любви» в бедной девушке, которая по стечению жизненных обстоятельств оказывается в семье трёх сестёр.

В произведении «Немой свидетель» главная героиня несчастна и зависима от обстоятельств, решается на преступление, чтобы освободиться и быть счастливой, но впоследствии выпивает отравленное молоко, чтобы избавить себя от мучительных угрызений совести.

В произведении «Пять поросят» главная героиня живёт с угрызениями совести после совершённого преступления долгие годы и не видит выхода из данной ситуации, она была оскорблена поведением своего любовника и отравляет его. Чувство собственности в ней ярко отражено.

В произведении «Немезида» можно говорить о властности и эгоизме главной героини, которая обрекла саму себя на жалкое существование.

А. Кристи в данных произведениях жалеет этих женщин, которые были зависимы от сложившихся сложных жизненных обстоятельств (неустроенная личная жизнь, нелюбимый муж, отсутствие собственных детей). Но каждая из этих несчастных женщин были эгоистичными, любили богатство, комфорт и мечтали о свободе от обстоятельств, людей, нелюбимых родственников и соседей. Чувство собственности переполняло каждую из них, но еще больше их подавляло чувство горечи, утраты, а после произошедших событий отсутствие интереса к жизни (одна из них покончила жизнь самоубийством после совершенного преступления, оставив двоих малолетних детей).

Библиографический список

1. И. Григорьев. Психоанализ как метод исследования художественной литературы// Классический психоанализ и художественная литература/сост. и общ. редакция В.М. Лейбина.- СПб.: Питер,2002.- С. 326-348 (448с.)
2. А. Кристи Немезида: детективный роман/ Агата Кристи; [пер. с англ. Ю.Р. Соколова].- М.: Изд-во «Э», 2015.- 320с.
3. А. Кристи. Немой свидетель: детективный роман/ Агата Кристи; [пер. с англ. Н. Емельянниковой]. - М.: Эксмо, 2013.- 320с.
4. А. Кристи. Пять поросят: детективный роман/ Агата Кристи; [пер. с англ. С. Никоненко].- М.: Эксмо, 2010. -256с.

СЕКЦИЯ 2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

СЕКЦИЯ 3. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'373.72

Lubkovskaya N. A., Chornobay S.Ye. The Functioning of the Phraseological Units with the British Realia Components in Modern English

Lubkovskaya Nataliya Alexandrovna,
Crimean Federal V.I.Vernadsky University, Simferopol
nlubk@bk.ru

Chornobay Svitlana Yevgenivna,
Crimean Federal V.I.Vernadsky University, Simferopol
svetoni@mail.ru

Abstract: The research paper scrutinizes English phraseological units containing a component of British realia within their structure. The semantic and structural peculiarities of these units are described. The analysis of their functioning in Modern English is presented. The definitions of such key notions as "phraseological unit" and "realia" are given. The analyzed phraseological units are grouped according to the structure, integral semes, as well as the functions performed in the context. The methods of component analysis, of continuous sampling, of semantic and contextual analyses as well as a descriptive method are applied.

Keywords: phraseological unit, British realia, semantics, structure, function.

Introduction. Many foreign and domestic scientists have studied the issues of language and culture interaction, with a special view of realia and phraseology. Such outstanding linguists as E. Vereshchagin and V. Kostomarov, who have been engaged in the language research for more than 40 years, are worth mentioning. In their work [1], for the first time, the understanding of one of the central linguistic issues – the language and culture interaction – is comprehensively set out. S. Vlahov and S. Florin [2] first carried out a scientific research of realia. They also considered the features and ways of translating linguistic units being a challenge to a translator: phraseological units, proper names, addresses, onomatopoeia and

interjections, etc. In their work, the researchers provided the theoretical grounds with various examples from English, Bulgarian, Russian and other languages.

L. Trufanova examines realia as a part of her work studying the national and cultural specifics of idioms in the phraseological stock of English and Russian [5]. A similar theme is revealed in the thesis of O. Sharaya focusing on the national cultural peculiarities of floral idioms in German [4]. M. Kovshova scrutinizes realia in the framework of the linguocultural approach to the comparative analysis of phraseological units in Russian and Vietnamese [3]. English, Portuguese and Russian verbal idioms with realia components, namely with proper names, have become the object of a contrastive research carried out by J. Baptista and S. Chornobay [8].

The knowledge of English does not mean that the language learners know automatically the culture, the history and the lifestyle of the inhabitants of Great Britain, the country being the motherland of the English language. However the background knowledge of the native speaker's country is very acute in the successful cross-cultural communication process. **The topicality** of the research is also explained by continuous transformations in the language, namely the emergence of new language units or outdated ones' going out of use, the change of meaning or functions. "The living language is constantly moving" [9, p. 83], therefore the process of studying certain language units, including phraseological ones, at the present stage is of great relevance.

The novelty of the work is determined by the need for systematization and complex analysis of English phraseological units with a component of British realia. The complex study and classification of the phraseological units under analysis enables to specify the features of their perception and understanding both by native speakers and the second language learners. The analysis of phraseological

units in this research paper is carried out on the basis of the newspaper and magazine corpus of Modern English [11] during the period of 2016 – 2017, giving the opportunity to scrutinize the up to date linguistic material.

The goal of the research paper is to analyze structural, semantic and functional peculiarities of English phraseological units with British realia components.

To achieve the goal the following **tasks** are set:

- 1) to define a phraseological unit and realia;
- 2) to consider the classifications of phraseological units and realia;
- 3) to analyze the semantics and structure of phraseological units with British realia components;
- 4) to review and analyze the functions of phraseological units in the context.

To achieve the goal of the study a set of **methods** of linguistic research is used: the method of continuous sampling, the methods of component, semantic and contextual analyses, and a descriptive method.

The **material** of the research comprises 200 phraseological units with British realia components, selected from idiomatic of the English language, and their 522 phraseological usages in the National Corpus of English [11].

The results. According to the dictionary definition, the phraseological unit is “a lexically indivisible, consistent in its composition and structure, a holistic word combination, reproduced in the form of a ready-made speech unit” [7, p. 337]. In foreign Linguistics the term “idiom” is widely used in this sense and denotes “a phrase or a clause whose meaning, mostly, cannot be deduced from the literal definition; it refers instead to a figurative meaning which is well-mastered by the native speakers in one particular culture” [10, p. 25]. Phraseologisms appear in the

language under the influence of the historical and cultural development of the people and are used to give a special colouring to the speech. Phraseological units cannot be translated literally from one language to another, preserving the original meaning. This happens due to cultural and historical differences between the nations of native speakers. What is generally accepted for one nation can be absolutely unknown to another one. Here, the concept of "realia" is applicable. Realia present an element of the spiritual and material life, the political and geographical structure, inherent only to a particular nation. Realia can also refer to the unique features of culture and life of a certain country or nation in general. Following S. Vlahov and S. Florin, we understand realia as «the words and word combinations naming objects which are characteristic of life (way of life, culture, social and historical development) of one nation and alien to another one; being the bearers of national and/or historical colouring, as a rule, they do not have a precise equivalent in other languages» [8, p. 309].

Structurally and semantically A. Kunin divides phraseological units (PhU) into four classes which, in turn, are subdivided into subclasses: nominative, nominative-communicative, interjectional, communicative PhUs [4].

1. Nominative PhUs perform a nominal function, denoting objects, actions, phenomena, states, qualities. They can be:

a) substantive PhUs: *Jersey justice* – 'very severe justice'; *grey pound* – 'economic power of elderly people in UK'; *an Eton jacket* – 'a short jacket reaching only as far as the waist'. Substantive PhU in our research are represented by 83 units, which comprise 41.5% of the total amount;

b) adjectival PhUs: *as drunk as a lord* – 'very drunk indeed'; *like a Micawber* – 'someone who makes no provision for the future and hopes something

will turn up'; *not worth a penny* – 'worthless (informal)'. This subclass includes 22 units, which make 11% of the total;

c) adverbial PhUs: *the whole nine yards* – 'doing something to the fullest extent possible'; *on the QT* – 'secretly'; *miles better* – 'much better'. Adverbial PhUs are presented by 15 units, constituting 7.5% of the total.

d) Prepositional PhUs. This subclass is not presented among the analyzed PhUs.

2. Nominative-communicative units refer to the PhUs with a verb, since they can be represented by both word combinations and sentences: *to go back to Civvy Street* – 'to return to civilian life after serving in the armed forces'; *to live like a lord* – 'to live in great luxury with the best food and wine, and be waited upon by many servants'; *to give a Roland for an Oliver* – 'to give as good as one gets, to retaliate effectively'. In this research, the class of nominative-communicative PhUs includes 60 units, which is 30% of the total.

3. Interjectional PhUs are characterized by the expression of emotion and will. Interjectional PhUs are not combined with other words and phrases: *You are not at the Ritz!* The Ritz is a hotel in Piccadilly which has made a name for the excellence of its cooking and accommodation. When servicemen complained about the bad cooking in the army during World War II, they were told that there was a war on and that they were not 'at the Ritz'; *A penny for your thoughts!* – 'What are you thinking about? (inform.)'. Interjectional PhUs are represented by 5 units (2.5 % of the total amount).

4. Communicative PhUs are represented by whole predicative sentences. Proverbs and sayings are included in this class: *look after the pennies and the pounds will look after themselves* – 'if someone takes care not to waste small amounts of money, they will accumulate capital'; *every Jack has his Jill* – 'every man can find

the right woman if he looks for her'; *Jack is as good as his master* – 'there is no difference between the boss and the worker; we are all equal and we should all have equal rights'. In this research we have found 15 communicative PhUs, which constitute 7.5 % of the total amount.

Applying the method of component analysis, we can distinguish the following models, according to which PhUs with a British realia (BR) component are formed:

I. One-top units:

- 1) **Prep + N** and its variant with the article **Prep + Art + N** has 2 PhUs: *by inches; on the QT*.
- 2) **Conj+N** consists of 1 PhU: *like billy-(h)o*.
- 3) **Prep + Art + N + Prep** includes 1 PhU: *within an inch of*.
- 4) **Art + N** is represented by 3 PhUs: *a Tomboy, a Jack-in-the-box; a king-pin*.

II. Two-top units are represented by 19 structural models the most frequent and numerous of which are:

- 1) **N + Conj + N** and its variant with the article **Art + N + Conj + N** includes 5 units, such as: *cakes and ale; Tweedledum and Tweedledee; the dos and don'ts*.
- 2) **N + N** and its variant with the article **Art + N + N** has 20 units, for example: *Downing Street, Lady Bountiful, (a) Paul Pry, a Peter Pan*;
- 3) **Adj + N** and variants **Adj + N + Art, Art + Adj + N** consists of 15 units: *Big Ben; every inch a...; a Nosey Parker*;
- 4) **N+Adv** and its variant with the article **Art + N + Adv** includes 2 units: *jam tomorrow; a mile off*.

The PhUs with more than two tops are represented by models consisting of three, four, five components, as well as models with a sentence structure (106 PhUs in total), for example: *the man on the Clapham omnibus, a miss is as good as a mile*.

Thus, the analyzed PhUs with the component of BR are represented by 84 structural models. As we see, in the majority they are multi-top phrases. But the most frequent phrase-forming models are: **N + N** (20 PhUs), **Adj + N** (15 PhUs), **N + prep + N** (11 PhUs) and complex communicative models (13 PhUs). The most part of analyzed PhUs with BR components are nominative-substantive units.

Applying the method of component analysis, we carried out a semantic classification of the PhUs with the component of BR.

Thus, the component analysis of the PhU "*Adam's ale*" allows attributing it to idioms, since its phraseological meaning cannot be deduced from the lexical meaning of its components given according to the dictionary definitions:

Adam's ale – 'water (jocularly)';

Adam, n – 'the first man, in the Biblical and Koranic traditions';

Ale, n – 'a type of beer, usually sold in bottles or cans'.

This idiom is a reference to the only drink available to Adam, the first man in the Biblical tradition, while in Eden.

As a result of the analysis, it was found out that 180 PhUs with BR components (out of 200 PhUs under analysis) were idiomatic, based on metonymic and metaphorical interpretation.

Thus, the PhU *Big Ben* is metonymically reinterpreted. This PhU stands for the clock tower in London, or more precisely, one of the bells in the tower, named after the engineer who supervised its installation. In 2012, the tower was renamed in honour of the 60th anniversary of the reign of Elizabeth II and is now officially known as the "Elizabeth Tower" [12]. However, it should be assumed that the

official name is not fixed in the daily usage, and the tower remains world-famous under the name of "Big Ben".

The expressions *as dead as Queen Anne* and *Queen Anne is dead* are based on the metaphorical comparison and are a response made to someone who has relayed stale news or stated the obvious. One explanation of the origin of this rejoinder is that the Queen's death was kept quiet until the Hanoverian succession was assured. However the news leaked out and so by the time an official announcement was made the death had already been common knowledge.

Among the analyzed PhUs on the basis of integral semes, 24 phraseosemantic groups (PhSG) were singled out: 1) "characteristics of the action" (including 43 units); 2) "characteristics of the object" (33 units); 3) "characteristics of the person" (27 units); 4) "the name of the object" (6 units); 5) "the name of the person" (5 units); 6) "relations" (31 units); 7) "the place in the society" (4 units); 8) "the order of things" (3 units); 9) "the place of birth" (1 unit); 10) "period of time" (1 unit); 11) "quantity" (1 unit); 12) "architectural structures" (1 unit); 13) "way of life" (4 units); 14) "value" (4 units); 15) "help" (1 unit); 16) "work" (3 units); 17) "struggle" (2 units); 18) "involvement" (2 units); 19) "emotions" (4 units); 20) "financial position" (11 units); 21) "appearance" (5 units); 22) "mental abilities" (5 units); 23) "drinks" (2 units); 24) "physical condition" (1 unit).

For example, the PhSG "**characteristics of the action**" includes PhUs that denote speed (*by inches*), completeness (*every inch a...*), degree (*to within an inch of smb's life*), the nature of the action. The PhUs of this PhSG also represent the human's behavior in the society, his decent actions (*to bring home the bacon*) and unseemly acts (*it is not cricket*). This PhSG is the most frequent one, which allows drawing a conclusion about the British nation as active people, whose language often serves to describe the processes and actions.

The semantic analysis of the selected PhUs made it possible to note that most of the units analyzed are idiomatic, i.e. completely or partially reinterpreted, the meaning of which is not derived from the lexical meanings of their components. This challenges the translation and understanding of these PhUs.

The phraseological units cannot exist and function separately from the context as only in the context the phraseological meaning and phraseological functions are actualized. A function is defined as "a role that an element fulfills in the activity of that structure, which includes this element" [4, p. 132]. It should be noted that there is no clear classification of the PhU functions at the moment. We rely on the research material of A. Kunin [4], in which he lists the main functions of the PhUs, though highlighting that the problem of classifying the PhUs functions remains unresolved. It is necessary to emphasize that this statement was made by A. Kunin more than 20 years ago, and since then the situation has not changed.

First of all, the PhUs functions are divided into constant and variant ones. Constant functions are inherent in all PhUs, regardless of the conditions for their implementation. These include communicative, nominative and cognitive functions.

The **communicative** function is expressed by the ability of the PhU to serve as a means of communication or message: "Never mind the seal money... We'll have *love in a cottage*" [11], in this context the PhU performs a communicative function, since it is used for a direct communication and carries a message from the speaker.

The **nominative** function is the correlation of PhU with the objects of reality, as well as naming them: "I may be *Johnny-come-lately* but I'm part of an institution that has created a stack of undead Sefffricanism" [11], the PhU is used to refer to individuals.

The varieties of the nominative function include the **nominal** and **neutrally-nominal** functions. The difference lies in the presence or absence of stylistic

markings. Let's consider the following examples: "I grew up in a *jerry-built* 1930s terraced house in an unfashionable London suburb" [11]. In this context the PhU *jerry-built* performs a neutrally-nominal function, denoting a badly built house without a foundation; there is no stylistic colouring. "Trump, a *Frankenstein monster* may have been created by the right side of the aisle, but the beginning of his creation, is an event that all of us are responsible for having created, not just the right wing media" [11], here the PhU *a Frankenstein monster* performs a nominal function. This PhU has a meaning of the product of the inventor's imagination which destroys his creator. The phrase is taken from the famous horror story by an English novelist Mary Shelley. In this context there is a metaphorical comparison, thus we can conclude that stylistic colouring is present.

The **cognitive** function is closely connected with the nominative function. It expresses the activity of consciousness, contributing to the cognition of objects of reality: "I am very surprised that his lawyer has not insisted that he go for mental assessment. The guy is *as mad as a march hare!*" [11]. Here the speaker compares someone to the March hare, one of the characters in Lewis Carroll's 'Alice in Wonderland', who vied with the Mad Hatter in making crazy remarks. This means that the person being mentioned is insane. The speaker comes to this conclusion due to some reasoning, we are aware of his opinion and his reaction to what is happening. Everything that the person says is the result of the activity of his mind. The language itself performs a cognitive function, so it is inherent in the PhUs, which are the part of the language.

Nominative, cognitive and communicative functions constitute a dialectical unity. All the rest functions are realized within the framework of this unity.

A number of **semantic** functions can be distinguished. A **resultative** function indicates the reason that caused the action or state: "We've already been asked to

put *a quart into a pint pot* so there is no room for anything else" [11]. *A quart into a pint pot* means "doing something impossible". The resultative function in this context is that an impossible task has already been set, and it is not possible to do anything else. The **deictic** function indicates the time or localization of an action or phenomenon: "I'm a true Londoner and wanted my baby *to be born within the sound of Bow Bells*" [11]. In this context the PhU *to be born within the sound of Bow Bells* has a spatially-deictic function, since there is a reference to the place of action; in this case it refers to the place of birth. In the center of London there is the church of St. Mary-le-Bow, famous for ringing its bells. Thus, the PhU *born under the bells of the Bow* means 'to be born in London'.

The **voluntative** function fulfills the role of the will expression. Among the analyzed contexts no PhU fulfilling this function was detected. Any unit of the language, including phraseological ones, performs the **pragmatic** function. It plays a crucial role in the process of communication and indicates the impact on the addressee. PhUs have a significant pragmatic potential, they strengthen the impact of the text or its part on the addressee, for example: "And beware false gurus! Gurus are middlemen. We are all born in the temple. If anyone claims to be your guru, *run a mile*, people!" [11]. Here the PhU "run a mile" reinforces the impact on the addressee. *To run a mile* denotes the situation when someone will do everything possible to avoid meeting a certain person or interacting with a thing or situation.

The varieties of the pragmatic function comprise stylistic, evaluative, cumulative, directive, summarizing functions. In turn the stylistic function can be actualized within the expressively-figurative and emotionally-expressive functions, the function of speech concision, the functions of hyperbolization and intensity. We have come across all these functions performed in the analyzed contexts: "If you short a penny to make a million, you still short a penny. So, *look after the pennies*

and the pounds will look after itself" [11]. This PhU performs simultaneously cumulative, directive, summarizing functions in this context. This PhU is a council: if you do not spend small money on anything, it will accumulate over time in a considerable amount. The speaker gives a piece of advice and expresses his life experience (the cumulative function), directs the addressee to the correct actions (the directive function), and confirms the above given (the summarizing function).

As it is evident, the PhU functions may intersect depending on the context. The isolated study of the PhUs cannot give a complete picture of all the connections and associations that arise when using the PhUs in the speech. Phraseological units have a complex semantic structure, various connotations and semantic nuances. Therefore, it is very important to analyze the functioning of the PhUs in the context. The contextual analysis of 522 phraseological usages presents the following data: the phraseological units under scrutiny perform the neutrally-nominal function (44 PhUs), the nominal function (141 PhUs), the deictic function (22 PhUs), the resultative function (1 PhU), the expressively-figurative function (257 PhUs), the emotionally-expressive function (18 PhUs), the function of speech concision (122 PhUs), the function of hyperbolization and intensity (16 PhUs), the cumulative function (23 PhUs), the directive function (10 PhUs), the summarizing function (24 PhUs), the evaluative function (216 PhUs), the contact-setting function (40 PhUs), the function of confirmation of the thought (20 PhUs), the text-forming function (20 PhUs), the descriptive function (112 PhUs), the characterizing function (121 PhUs), the function of an additional meaning (1 PhU), and the meaning weakening function (6 PhUs). Thus, we see that the PhUs under analysis perform a wide range of functions in the language. The predominant functions are evaluative, expressively-figurative, nominal, characterizing, and the function of speech concision. It allows drawing a conclusion about the general role of the PhUs with the BR component in

Modern English is performed for evaluation, giving name and characterization of objects, things and persons, emphasizing the expressiveness, shortening of the texts, more capacious and figurative expression of the thoughts.

Conclusion. During the analysis it was found out that most of the PhUs with the BR component are actively used in Modern English. This is evidenced by the frequency of PhUs in the British National Corpus [11]. For example, the PhU *a Peeping Tom* occurs 504 times, *to rob Peter to pay Paul* – 435 times, *within an inch of* – 890 times, *one's pound of flesh* and its variants – 810 times. Such indicators show that the PhUs with the BR component are used in the modern language and do not lose their relevance. It was also noted that some PhU have a zero frequency (*yellow as a guinea; to put someone in Chancery*), though. 87% of the PhUs under analysis are actively used in Modern English. This confirms the relevance and novelty of this research once again.

Speaking about the structural aspect of the PhUs with the BR component, we have elaborated a wide range of phrase-forming models. Most of the analyzed PhUs are multi-top phraseological units, i.e. phrases including 3 or more significant components. However, the most frequent ones are two-top PhUs. According to the morphological classification, nominative-substantive PhUs are the most frequent, thus playing the role of naming and describing objects, things, people and phenomena. The semantic analysis allows dividing the PhUs under scrutiny into phraseosemantic groups. The main PhSG bears the characteristics of actions, objects, and people. Almost all of them are pure idioms; their meaning is figurative and without a thorough study an adequate translation and understanding of the PhUs with the BR component is not possible. Phraseological units perform a wide range of functions. We have singled out the main ones: expressively-figurative, evaluative, nominal, characterizing functions and the function of speech concision. Thus, the

main role of the PhUs with the BR components in Modern English is emphasizing of imagery, expressiveness, evaluation and description of objects and phenomena, a clearer and more capacious expression of thoughts.

The research also shows that some theoretical phraseological issues are still not completely elaborated and require further scrutiny. The results of the work can be a basis for more in-depth studies in the field of phraseology, mainly in the frames of Linguoculturology and Phraseodidactics.

References

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.
3. Ковшова М. Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Филология и культура. – 2014. – №4 (38). – С. 115 – 120.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996. – 381 с.
5. Труфанова Л. А. Национально-культурная специфика фразеологизмов (на материале фразеологических единиц неантропоцентрической направленности в английском и русском языках) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 99. – С. 196 – 202.
6. Шарая О. В. Национально-культурная специфика немецкой флористической фразеологии: Дис...канд. филол. наук. – Москва, 2005. – 364 с.
7. Словарь-справочник лингвистических терминов / Под общ. ред. Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой. – М.: Просвещение, 1985 – 399 с.

8. Baptista J., Chornobay S. The Semantics of Verbal Idioms with Realia Components: Contrastive Approach // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : материалы II Международного научного конгресса, Симферополь, 3 – 28 апреля 2017 г. / ред. Е.В. Полховская. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 308 – 313.
9. Hay Jennifer. Tracking word frequency effects through 130 years of sound change // Cognition. – 2015. – № 139. – P. 83.
10. Huda F. Halawachy Spill the Beans of Idioms: A Corpus-based Linguistic Investigation of English Idioms // Journal of Education and Science. – 2013. – Vol. 20. – No. 3. – P. 25 – 46. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.iasj.net/iasj?func=fulltext&aId=89922> (дата обращения 01. 06. 2017).
11. NOW Corpus (News on the Web) [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/now/> (дата обращения 21.02.2017).
12. Rath Kayte. Big Ben's tower renamed Elizabeth Tower in honour of Queen [Электронный ресурс] / BBC News. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-18592966> (дата обращения 03.05.2017).

СЕКЦИЯ 4. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 80

Алатырцева Л.В. Лингво-культурные особенности текстов испанских песен в стиле Альбореа

Linguistic and Cultural Peculiarities of Spanish Alborea lyrics

Алатырцева Людмила Викторовна,
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Кировский государственный медицинский университет

Alatyrtseva Ludmila Viktorovna,
Ph.D.(Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Kirov State Medical University

Аннотация: Фламенко как часть музыкально-песенной культуры Испании представлена богатой гаммой различных стилей, один из которых это свадебное пение Альбореа, отражающее образ жизни и ценности цыган Андалузии. В статье представлен лингво-культурологический анализ текстов Альбореа.

Ключевые слова: лингво-культурология, песенный текст, фольклор, фламенко.

Abstract: Flamenco as a style of musical culture of Spain is represented by a rich variety of different substyles, one of which is Alborea. The article deals with linguistic and cultural peculiarities of Alborea songs (music and lyrics). They reveal history, folklore, life style and values of andalus gypsy people.

Keywords: linguistic and cultural peculiarities of Flamenco.

Фламенко является неотъемлемой частью испанской культурой. Это многогранное искусство, формировавшееся в течение многих веков из множества культур: финикийской, арабской, вестготской, цыганской и др., вышло за пределы узкого семейного круга цыганской общины к концу 18 века и достигло своего расцвета в период с конца 19 по первую половину 20 века благодаря неповторимой индивидуальности его исполнителей. Фламенко неоднородно, оно представляет собой яркую палитру различных стилей (palos), включающих музыку, пение и танец. По сей день традиции музыкально-песенного творчества сохраняются внутри цыганского сообщества на юге Испании, в провинции Андалузия.

СЕКЦИЯ 4. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Одним из примеров стиля фламенко, который редко можно видеть на большой сцене, является альбореа или альбореа хитана (цыганское альбореа). Данное направление представляет собой народное свадебное пение, восхваляющее чистоту и непорочность невесты. Понятие «цыганской свадьбы», характеризующейся сохранением древних ритуалов, существует в Испании, как во многих других странах мира. Примером такого ритуала выступает местами символическая в настоящее время проверка непорочности невесты старейшими представительницами цыганского рода. Если невеста выдерживает экзамен, то публике демонстрируют платок, окрашенный кровью, после этого невесту выводят к жениху, который может ее поцеловать, а все присутствующие выражают свое ликование и сопровождают это событие торжественным пением альбореа. Для цыган такие внутрисемейные, внутриклановые события, а также все, что с ними связано, включая песнопения, являются священными и не должны выноситься за пределы семейного круга и общины, поэтому альбореа редко исполняется для широкой публики. В тексты песен вкладывается глубокий смысл, отражающий ценности данного народа.

Название «альбореа» восходит к латинскому слову «albor» - рассвет, утренняя заря, обозначая время совершения данного ритуала, когда первые лучи солнца окрашивают вершины гор.

В музыкальном плане альбореа относится к так называемым солеарес (soleares), песням, исполняемым в традиционном для фламенко двенадцатидольном компасе (ритме) солеа (solea), каждый куплет состоит из четырех строк и припева (estribillo).

В языковом отношении альбореа отражает следующие концепты:

1. Прославление чистоты и непорочности невесты, которые являются залогом дальнейшего процветания всей семьи и цыганской общины.

Непорочность как отражение прекрасного внутреннего мира переносится на внешность. Невеста характеризуется такими прилагательными как *bonita*, *guara*, сопровождается существительными с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*chiquilla mia*), подчеркивается вербально ее принадлежность к данному народу (*gitana*, *gitana enamorada*).

Восхваление невесты возводит ее в ранг королевы, ее венчают короной, поднимают вверх как изображение мадонны. В текстах альбореа это передают глаголы *coronar*, *alevantar*, *ir para arriba*. На свадьбу такой прекрасной чистой девушки приезжают не на простой повозке, а на *carro de infanta*.

Кроме самой невесты похвала распространяется и на всю ее семью: *bendita sea tu(la) madre*, *viva el padre de la novia*. Возносится благодарение небу: *dar gracias al cielo*

2. Ранее утро, рассвет, знаменующие начало нового дня и символически выражающие начало новой семьи и чистоты цыганского рода, который будет продолжен. В текстах повторяются следующие существительные: *madrugada*, *mañanita*, а также глаголы, связанными с наступлением утра: *levantarse*, *no dormir mas*, *alboreer*, *amanecer*.

3. Чистота и непорочность выражаются во многократном повторении эпитета *blanco*, который относится как к невесте и обряду доказательства чистоты (*pañuelo blanco*), так и к моменту его совешения – раннему утру. Белизна и чистота соединяются в образе белой лилии (*azucena*). Это слово в текстах становится именем собственным, цыганка-невеста выступает под именем Асусена.

С другой стороны непорочность выражается в разнообразных метафорах-эвфемизмах, которые обозначают девственную кровь на белом платке. Здесь преобладают образы цветов: *rosas y jasmines, tres rosas como tres luceros, coronar (el pañuelo blanco) con flores, colmar de rosas, lleno de rosas/de flor*. Таким образом, лилия объединяет данную культуру с общеевропейской, где она является символом чистоты и часто изображается вместе с Девой Марией. Розы и жасмин характерны для юга Испании и выражают в поэтическом творчестве данной страны также женскую красоту в целом.

4. Свадебная обстановка отражается в присутствии в текстах ее неотъемлемых участников (*novio, novia, familia, la gitana vieja*, женщина, проводящая обряд) и места (*verde prado*).

5. Радость и ликование выражаются следующими словами *alegre, alegría, divertirse*. В текстах они подчеркивают, что с этого момента начинается настоящий праздник, который длится обычно не один день.

Можно сделать вывод, что именно обряду подтверждения непорочности невесты придается большое значение во время свадьбы. Чистота невесты является залогом процветания цыганского сообщества. По этой причине альбора исполняется с особой торжественностью, которая выражается и в синтансических структурах: коротких восклицательных предложениях, междометиях, характерной для поэтической речи постановкой определения перед существительным.

Фламенко и цыганская культура вдохновляют современных исполнителей, и можно найти множество примеров современного музыкально-песенного творчества Испании, в основе которых лежат традиции фламенко. Так певица Индия Мартинес исполняет песню "Amanece el día" в

жанре альбореа, где присутствуют все основные образы, характерные для старинных текстов.

Библиографический список

1. Gertrudix Lara F., Gertrudix Barrio F., Gertrudix Barrio M. Palos y estilos del Flamenco. - Bobox: Madrid, 2009
2. www.kapricodelsur.com

СЕКЦИЯ 5. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 811.111:81'25

Джабраилова В.С., Зарипова Н.Р. К вопросу о современных тенденциях перевода англоязычного газетного заголовка на русский язык

On current tendencies of English headlines translation into Russian

Джабраилова Валида Саидовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков, Московский государственный гуманитарно-экономический университет

Dzhabrailova Valida Saidovna,

Ph.D, Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Moscow State University of Humanities and Economics

Зарипова Нелли Ринатовна,

студентка факультета иностранных языков,

Московский государственный гуманитарно-экономический университет

Zaripova Nelly Rinatovna,

Foreign department student

Moscow State University of Humanities and Economics

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы перевода современных англоязычных газетных заголовков на русский язык. Авторы выделяют функциональную составляющую заголовка как основополагающий критерий перевода, однако говорят о существовании сверхпереводческой задачи, которая зависит от экстралингвистических факторов и может значительным образом влиять на перевод.

Ключевые слова: публицистический стиль, реципиент, газетный заголовок, подзаголовок, коммуникативная функция, апеллятивная функция, экспрессивная функция, графически-выделительная функция, переводческая трансформация, переводческая сверхзадача.

Abstract: The article deals with present-day tendencies of English headlines translation into Russian. The authors claim functional aspect of a headline to be the key factor of its rendering, though they stress that sometimes extra linguistic factors can intervene thus changing the initial intention of the original.

Keywords: publicistic style, recipient, headline, lead, communicatory function, appellative function, expressive function, eye-catching function, translation techniques, extra-translational purpose.

Публицистический стиль включает в себя две основные функции: воздействие на читателя и сообщение какой-либо информации [8, стр.33]. Газетная статья, являясь жанром публицистического текста, в полной мере отображает указанные функции. Однако в первую очередь реципиент

обращает внимание не на корпус газетного сообщения, а на его заглавие. Заголовок является средоточием воздействующей и информативной функций, именно он побуждает читателя обратиться к представленной информации. В то же время, газетный заголовок использует эмоционально-окрашенную лексику, которая не всегда содержится в статье, но привлекает внимание читателя.

Следует отметить, что СМИ играют важную роль в сообщении информации. Вследствие развития компьютерных и интернет технологий возрастает популярность электронных версий газет и журналов. В непрерывно меняющихся и развивающихся условиях, медиа пространство старается соответствовать современным требованиям подачи информации широкому кругу читателей. Принимая во внимание вышеуказанные причины, в данном исследовании за основу практического материала решено было взять интернет порталы известных изданий в электронном виде.

Актуальность исследования заключается в том, что непрерывные трансформации публицистического стиля непосредственно отражаются на его подстилях и жанрах. Зачастую, в стремлении воздействовать на широкую аудиторию, при переводе газетных заголовков с английского языка на русский утрачивается исходная функциональность, не используются в полной мере те средства экспрессивности, которые привлекают внимание англоговорящего читателя.

В данной статье предпринята попытка выявить современные тенденции передачи функциональной составляющей при переводе газетного заголовка с английского языка на русский, исследование проводилось на материале газетных заглавий из электронных источников *RT, BBC, The Times, Bloomberg, The Daily Mail, CNN, The New York Times* и их перевода на русский язык.

Заголовок отделен от общего текста и представляет собой способ с первого взгляда прийти к выводу о необходимости дальнейшего чтения всего сообщения. Исходя из этого, заголовку должна быть присуща точность выражения мысли, т.е. ясность и простота формы, - заголовок должен быть понятен любому читателю. С другой стороны, заголовок связан с текстом, он «называет» ту информацию, которая будет передана впоследствии, таким образом, «сигнализируя» о содержании целого текста [1, с.117].

Особенности развития англоязычной прессы наложили яркий стилистический отпечаток на заголовки газетных статей. В работе «Функциональные особенности заголовков англоязычных газетных статей» Иноземцева Н.В. обращает внимание на тот факт, что для заголовков англоязычных статей наиболее характерны информативная и воздействующая функции, однако нередко на передний план выходит экспрессия [4, с.143].

Вследствие такой целенаправленности, в англоязычной прессе выработался особый стиль газетного заголовка, характерными чертами которого являются:

1) чрезвычайная экспрессивность лексических и грамматических средств. Автор нередко использует образные сравнения, метафоры, идиомы, элементы юмора, сарказма, иронии: *Vladimir Putin wanted foreign foes to 'salivate' at his Victory Day parade - but he didn't count on the weather;*

2) использование максимально сжатых, предельно лаконичных фраз, в которых опущены все семантически второстепенные элементы (артикли, связочные глаголы, местоимения): *No waivers for Russia sanctions, Treasury tells Exxon;*

3) построение на базе общеупотребительной лексики и простейших грамматических средств: *British MPs want to strip Assad's wife of UK citizenship – reports*;

4) использование назывных предложений, эллиптических конструкций: *Kremlin's top brass & Russian officials release their 2016 earnings*;

5) использование вопросов, которые имеют целью привлечь внимание читающих к содержанию сообщения: *RIP at last? Over half of Russians want Lenin's body to be buried – poll*.

Помимо указанных характеристик, заголовки в англоязычной прессе имеют важную особенность: они представляют собой многоступенчатое изложение основных положений газетной статьи или газетного сообщения. Как правило, они состоят из «шапки» (headline), набираемой полностью или частично очень крупным шрифтом и подзаголовок (lead) из нескольких строчек, набираемого менее крупным шрифтом. Нередко «шапка» направлена только на то, чтобы, поразив воображение читателя, заставить его прочитать сам материал. Поэтому в большинстве случаев она недостаточно полно раскрывает содержание статьи, а иногда мало с ним связана. Функцию раскрытия содержания статьи выполняет подзаголовок, который в нескольких строках дает краткий пересказ статьи: *Terrorist' 3-month-old baby interviewed at US embassy in London* (заголовок). *A three-month old British 'terrorist' baby was summoned to the US embassy for an interview, after his grandfather accidentally ticked the wrong box on a visa form* (подзаголовок) (BBC) - Такой маленький, а уже террорист: американское посольство допросило младенца.

Публицистический текст является переплетением всевозможных функций, для реализации которых используются разнообразные приемы и средства. В.Л.Наер в своем исследовании подчеркивает, что в текстах,

относящихся к стилям массовой коммуникации, в том числе, и в газетном тексте наиболее выпукло и полно представлена прагматическая функция. Все средства, находящиеся в распоряжении газеты, используются, в конечном счете, для воздействия на читателя [7, с.57].

Рассматривая газетный заголовок как особую двойственную прагматическую единицу, следует подробнее остановиться на его функциях. На данном этапе среди лингвистов не существует единого мнения по поводу классификации функций газетных заголовков в русскоязычных СМИ.

Например, в своей работе «Глагол или имя?» Г.О. Винокур говорит об обозначающей, указательной и рекламной функциях заглавий. Более подробно Г.О. Винокур останавливается на рекламной функции, задачи которой, по его мнению, сводятся к тому, чтобы «...разрешить проблему внешней занимательности, увлечь читателя, заинтриговать заманчивой сюжетностью» [2, с. 132].

В.А. Вомперский выделяет у заглавия следующие четыре функции: коммуникативную, апеллятивную (или воздействующую), экспрессивную, графически-выделительную: во-первых, заголовку свойственна коммуникативная функция, так как заголовок служит для выражения сообщения о предмете речи. Во-вторых, для заголовка характерна апеллятивная (или воздействующая) функция, связанная с непосредственным обращением к читателю, так как заголовок не только информирует читателя о содержании предмета речи, но и воздействует определенным образом на читателя, вырабатывая у него соответствующее социальное отношение к содержанию сообщения. В-третьих, заголовку присуща экспрессивная функция, которая характеризует личность пишущего. Наконец, в-четвертых, заголовок обладает графически-выделительной функцией, заключающейся в

отграничении одного материала от другого на газетной полосе [3, с.82]. В.Г. Костомаров вслед за Г.О. Винокуром говорит о рекламной и указательно-назывной функциях заглавий [5, с.174]. З.М. Тураева считает, что каждому заглавию присущи три основные функции: 1) номинативная, 2) информационная, 3) рекламная [9, с.54]. В.С. Мужев, анализируя примеры из английского, русского и французского языков, устанавливает, "...что заголовкам присущи следующие основные функции: 1) номинативная; 2) информационная; 3) экспрессивно-апеллятивная; 4) рекламная; 5) разделительная" [6, с.6].

Как мы можем заметить, большинство языковедов независимо выделяют следующие функции заголовков: номинативную (обозначающую), информационную (коммуникативную) и апеллятивную.

Вслед за В.А. Вомперским мы приняли за основу следующую классификацию функций газетного заголовка: коммуникативную (информационную), апеллятивную (воздействующую), экспрессивную, графически-выделительную, так как данный подход представляет собой наиболее полное отображение функций.

В ходе исследования было проанализировано 50 англоязычных заголовков из источников RT, BBC, The Times, Bloomberg, The Daily Mail, CNN, The New York Times и др. Было выявлено, что для достижения адекватной и эквивалентной передачи смысла оригинала переводчик нередко использует различные переводческие трансформации. При переводе заглавий переводчику следует быть наиболее осторожным, так как функция заголовка, как было указано ранее, не ограничивается лишь информативностью. Перед переводчиком стоит ряд задач, которые необходимо решать адекватно.

Среди 50 проанализированных заголовков 12 англоязычных заголовков имеют коммуникативную функцию, 25 – апеллятивную, 13 – экспрессивную. В процессе работы было установлено, что изменили свою функцию: 50% информационных заголовков (6 примеров), 46% апеллятивных и экспрессивных (11 и 6 примеров соответственно). Проанализировав выбранные примеры, мы выявили следующие переводческие трансформации: добавление, опущение, замена частей речи по степени экспрессии, генерализация и конкретизация, объединение и решение переводчиком сверхпереводческих задач.

Коммуникативная функция англоязычного заголовка в равной степени изменяется на апеллятивную и экспрессивную, что чаще всего это происходит с помощью добавлений. Переводчик вводит эмоционально-выразительный элемент для создания дополнительного экспрессивного эффекта. Однако большинство примеров оригинала, имеющих своей целью донести информацию до читателя, сохраняют функционал.

1) US Senators call for ‘hybrid tribunal’ for Syrian war crimes - *Ударно поработали*: сенаторы в США предложили создать трибунал по Сирии (Владимир Смирнов, RT) – 8 апреля 2017 г.

2) White House Seeks to Cut Billions in Funding for United Nations (Foreign Policy) - FP: Госдеп *решился на беспрецедентный шаг* — урезать расходы на ООН (ИноТВ RT) – 14 марта 2017г.

3) Cargo ship with 12 crewmembers sinks in Black Sea, rescue operation under way - Крушение сухогруза: в Керченском проливе спасают экипаж корабля «Герои Арсенала» (Валерия Маслова) (RT) – 19 апреля 2017 г.

Апеллятивной функцией обладает половина найденных примеров. Следует отметить тот факт, что чаще апеллятивность оригинала изменяется с

помощью замены. При замене вектор функциональности смещается в сторону информативности, наиболее часто трансформации подвергается глагол, в частности – его категория модальности, при переводе заменяющаяся на менее экспрессивный аналог.

1) Merkel *presses* Putin over anti-gay purge in Chechnya (The Guardian) - Меркель *попросила* Путина *обеспечить* *соблюдение* *прав* сексуальных меньшинств в Чечне (RT) – 2 мая 2017 г.

2) Govt reports *successful execution* of Putin's 'May Orders' program - В ОНФ сообщили, сколько поручений из «майских указов» Путина *было выполнено* – 4 мая 2017г.

3) Alabama governor resigns, avoids *impeachment hearings over sex scandal*, misuse of funds - Губернатор штата Алабама уходит в отставку после обвинений в финансовых преступлениях (RT) – 11 апреля 2017 г.

Следует отметить тот факт, что ни один пример, обладающий экспрессией, не изменил свой функционал в сторону информативности. При переводе данной группы заголовков, используемые средства, повлекшие за собой изменение функции оригинала различны: добавление, объединение и решение сверхпереводческой задачи.

Например, добавление усиливает экспрессивность, выражая отношение автора перевода к заглавию или статье:

1) Putin's Arms Bazaar Is in a Serious Sales Slump (Bloomberg) - *Путин гордится российским оружием*, но продавать его всё сложнее (ИноТВ RT) – 26 апреля 2017 г.

2) 'RUBBISH' Churchill's grandson hits out at Russian claims UK relations worse than Cold War (Express UK) - Внук Черчилля назвал

«околесицей» слова «гнуемого» российского посла (13 orb.ru) – 19 апреля 2017 г.

Объединение заголовка и подзаголовка, существующих в англоязычной публицистике, не только способствует изменению функции оригинала, но и является одной из переводческих трудностей. В русском языке весьма слаба тенденция перевода давно существующих в английском языке заголовков и подзаголовков, поэтому во время работы над таким типом заглавия, переводчик может выбрать один из следующих существующих способов: перевести только заголовок англоязычного издания, либо попытаться дать объединенный перевод заголовка и подзаголовка, зачастую упрощая элементы оригинала. Рассмотрим примеры:

1) *Vladimir Putin wanted foreign foes to ‘salivate’ at his Victory Day parade - but he didn’t count on the weather* (заголовок)
Even the Russian President can’t control the weather as he was forced to cancel a massive fly-past due to low cloud cover over the Kremlin (подзаголовок) (The mirror) - Даже Путин не в силах справиться с погодой (ИноТВ RT) – 9 мая 2017г.

2) *Putin’s Parade Has Been Rained Out* (заголовок)
The Russian leader’s geopolitical games have left him more isolated than before. (подзаголовок) (Bloomberg) - Парад Победы стал напоминанием об изоляции России (ИноТВ RT) – 10 мая 2017 г.

3) *Is China the new space super power?* (заголовок)
Ambitious Communist leaders TRIPLE their exploration budget in race with Russia and United States (подзаголовок) (Daily Mail) - DM: Китай догнал Россию и США и превратился в космическую сверхдержаву (ИноТВ RT) – 28 мая 2017г.

4) *FLYING IN HIS FACE* (заголовок)

Donald Trump's UK-based F-35 jets land on Vladimir Putin's doorstep to join Nato taskforce in Estonia (Sun) - Американские «Молнии» приземлились на «пороге» Путина (ИноТВ RT)

5) *Terrorist' 3-month-old baby interviewed at US embassy in London* (заголовок)

A three-month old British 'terrorist' baby was summoned to the US embassy for an interview, after his grandfather accidentally ticked the wrong box on a visa form (подзаголовок) (BBC) - Такой маленький, а уже террорист: американское посольство допросило младенца (RT)

В рассмотренных примерах функциональный вектор изменяется при переводе в 3 случаях из 5, свидетельствуя о том, что выбор лишь одного метода перевода не является эффективным методом передачи задуманной автором оригинала прагматики.

В некоторых случаях передача функционала англоязычного заголовка не является приоритетной, так как переводчик вынужден решать сверхпереводческие задачи. Безусловно, решение сверхпрагматической задачи влияет на функциональность заглавия, а использованные переводческие средства могут изменить изначальный информационный смысл оригинала.

Среди 50 проанализированных заголовков лишь в 5 примерах (10%) изменение структуры и смысла оригинала основано на решении сверхпереводческой задачи.

1) *Russia tries to elbow its way into Saudi Arabia arms club* (CNBC) - CNBC: Саудовская Аравия ищет замену американскому оружию в России (ИноТВ RT)

2) Russia builds an 'unstoppable' 4,600mph cruise missile that could sink the Royal Navy's new £6bn aircraft carriers with a single strike (Daily Mail) - Российский «Циркон» превратит британский флот в груды бесполезного металла (ИноТВ RT)

3) Trump to meet with Russian Foreign Minister Lavrov Wednesday (CNN) - Трамп уволил директора ФБР и пригласил Лаврова в Белый дом (RT).

4) A New Cold War (заголовок)
The Putin regime's behaviour violates international norms. The US and its allies should commit to containing *Russian aggression* while working closely with China (подзаголовок) (The Times) - Times: Трамп поставит Россию на место, если вспомнит о тактике холодной войны (RT).

В каждом из представленных примеров ярко просматривается смягчение экспрессивных элементов, использование менее агрессивных выражений. Переводчик изменяет исходную идею, тем самым подвергая изменениям функционал англоязычного заголовка. В данном случае мотивацией изменений является решение сверхпереводческих задач. В русскоязычных заголовках с помощью различных трансформаций усиливается имидж страны, государственных деятелей, российской армии, смягчается образ президента. Также, одной из причин столь кардинальных изменений, возможно, является желание редактора не пресыщать раздел новостей яркими выражениями, так как читатель не всегда способен выдержать градус накала «кричащих» заголовков.

Следует также отметить, что частыми трансформациями являются генерализация и конкретизация, но они не влияют на изменение функциональности заголовка, так как в основном применяются при переводе имен собственных, названий органов и документов: «Russia demonized» by

doping scandal, *journalist who wrote open letter to WADA* tells RT - «Это демонизация России»: *журналист из США* рассказал о неточностях в докладе Макларена (Владимир Зайвый, RT)

В 9 заголовках из 50 не было выявлено изменения функционала, как и не было применено переводческих трансформаций:

1) Five reasons why Macron won the French election (BBC, Becky Branford) - Эммануэль Макрон: пять причин, почему он выиграл (BBC)

2) Putin visits his former KGB boss on his 90th birthday (RT) - Путин поздравил своего бывшего начальника в КГБ с 90-летием (RT)

В результате исследования были выявлены следующие особенности передачи функциональности англоязычных заголовков при их переводе на русский язык: во-первых, наиболее распространенной функцией оригинала является воздействующая, призванная не только обратить на себя внимание, но и составить некое впечатление у читателя о последующей статье; во-вторых, заголовки, несущие в основе коммуникативную функцию при переводе либо не изменяют идею оригинала, либо с помощью добавления и объединения приобретают экспрессивные элементы, которые призывают читателя запомнить информационные факты; в-третьих, в случае изменения функции экспрессивным заголовком, его составные части заменяются на более нейтральные. Проблема передачи экспрессивности заголовка осложняется существованием группы «заголовок-подзаголовок». Например, в случае, когда перед переводчиком возникает экспрессивный заголовок, а подзаголовок его поясняет и в коммуникативной форме, их объединение не сможет передать замысел автора. Поэтому мы рекомендуем переводить заголовок и подзаголовок как две независимые прагматические единицы.

Наконец, независимо от функции англоязычного заголовка перед переводчиком возникают сверхпереводческие задачи, которые зависят от различных экстралингвистических факторов: политической ситуации, указаний издательства, направленности новостного портала. Зачастую решение данных задач не связано с передачей функционала, в некоторых случаях заголовков и вовсе может поменять первоначальный смысл.

Таким образом, можно утверждать, что заголовок – явление комплексное. В связи с семантическими, лексическими и грамматическими особенностями английской и русской публицистики в процессе перевода переводчик вынужден применять различные трансформации, которые влияют на функцию оригинала. Если переводчик желает в результате достичь полной эквивалентности, прежде всего ему необходимо определить функцию газетного заголовка в ИЯ.

Библиографический список

1. Богданова О.Ю. – Заголовок как элемент текста - Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова № 1, 2007. № 1. С. 116-119.
2. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Просвещение, 1959. – 221 с.
3. Вомперский В.А. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка // Искусство публицистики (проблемы теории и мастерства): тез. докл. на республикан. науч. конф.-семинаре. – Алма-Ата, 1966. – С.82-85.
4. [Иноземцева Н. В.](#) Функциональные особенности заголовков англоязычных газетных статей//[Вестник Оренбургского государственного университета](#). 2015. № 11. С. 142-146.

5. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб.: Златоуст, 1999. – 319 с.
6. Мужев В.С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. – 1970. - №55. – С.1-8.
7. Наер, В.Л. Прагматические аспекты языка газеты // Лингвистика и методика в высшей школе(XI): Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М.Тореца. Вып. 205/ В.Л.Наер. - М., 1983.-С.49-58.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. – М.: Оникс 21 век, 2001. – 378с.
9. Тураева З.М. Лингвистика текста: структура и семантика. – М.: Просвещение, 1986. – 126 с.

УДК 80

Морев А.В., Антоненко Н.М. Терминология и вопросы перевода

Terminology and translation issues

Морев Антон Валентинович,
Омский Государственный Технический Университет
Morev Anton Valentinovich,
Omsk State Technical University

Антоненко Никита Максимович,
Омский Государственный Технический Университет
Antonenko Nikita Maksimovich,
Omsk State Technical University

Научный руководитель:
Сидоренко Ю.Н. к. филол. н., доцент кафедры Иностранные языки,
Омский Государственный Технический Университет
Scientific adviser: Sidorenko Y., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of
Faculty Foreign Languages
Omsk State Technical University

Аннотация: В последние десятилетия стремительно вырос интерес лингвистов и специалистов различных отраслей науки и техники к проблемам терминосистем, что объясняется возрастающим потоком научной и технической информации, процессами интеграции, стыковки наук, усилением процессов терминотворчества. Последний фактор особенно важен для правовой терминологии в связи с созданием и принятием в последнее время большого количества новых законов.

Ключевые слова: термины, терминология, вопросы перевода терминов

Abstract: In recent decades has rapidly increased the interest of linguists and of specialists in various fields of science and technology to the problems of terminosistem, due to the increasing flow of scientific and technical information, processes, integration, docks Sciences, intensification of the processes of terminatoralpha. The last factor is particularly important for legal terminology in connection with the creation and adoption in recent times a large number of new laws.

Keywords: terms, terminology, translations of terms

Часто обсуждаются проблемы терминологии и в связи с нарастающими автоматизацией информационных процессов, применением электронно-вычислительных машин для создания терминологических данных, автоматизированных словарей. Создание такого рода словарей и банков данных невозможно без стандартизации и унификации терминологической

СЕКЦИЯ 5. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

лексики, изучения лингвистических проблем терминологии, выявления особенностей терминопроизводства в каждой конкретной области знания. Это обуславливает необходимость углубленного изучения и дальнейшей разработки методологических аспектов построения терминологии.

В настоящее время уже не вызывает сомнения, что для правильного, научно обоснованного решения терминологических проблем необходимо изучать терминологию, исходя из признания ее естественности и закономерности существования в системе общенародного языка. В рамках вышеупомянутого стиля исследование вопросов терминологии должно проводиться как лингвистами, так и терминологами – представителями соответствующих областей науки и техники.

Согласно А.А. Реформатскому, терминология - это система понятий данной науки, закрепленных в соответствующем словесном выражении.

Под термином понимается любое слово или словосочетание, которое употребляется для точной номинации понятий или явлений, свойственных определенной области деятельности, и обслуживает коммуникативные потребности данной сферы.

Существуют две категории терминов:

- общенаучные и общетехнические термины
- специальные (номенклатурные) термины.

Термин не нуждается в контексте, как обычное слово, так как он:

- член определенной терминологии, что и выступает вместо контекста;
- может употребляться изолированно, например, в текстах заказов,
- для чего и должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах данной терминологии.

Терминология противопоставляется общелитературной лексике, а сами термины как особые единицы, отличающиеся от обычных слов, помещаются в замкнутые системы - терминологические поля определенных отраслей знаний.

Под терминологией часто понимают «совокупность слов и словосочетаний, обозначающих специальные научные и технические понятия и служащих для осуществления коммуникации в данной области».

Терминологическая система - «упорядоченное множество терминов с зафиксированными отношениями между ними», то есть кодифицированная и унифицированная терминология.

Терминология проявляет себя в двух сферах:

- в области функционирования, где терминологические единицы существуют в контексте и где осуществляется взаимодействие терминов в рамках данной терминосистемы (специальная литература, монографии, тексты законодательных актов и т.п.);
- в области фиксации, где термины находятся в условиях **закрытой системы** и где они изолированы друг от друга (специальные двуязычные и толковые словари, энциклопедии).

Задачи, стоящие перед нами для достижения указанной цели, сводятся к следующему:

- 1) рассмотреть различные подходы к определению термина;
- 2) проанализировать сложности перевода и способы терминообразования;

Материалом исследования послужила статья под названием «ПРИМЕНЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ВЫСОКОПРОЧНЫХ СТАЛЕЙ В

АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИИ”

автор - Дж.Р. Фекет, Компания "Дженерал Моторс", США.

Проанализировав текст мы можем заметить что в нём используются множество простых терминов, которые являются ещё и многозначными таких как –Reduced (снижать преобразовывать восстанавливать.) Crash (Катастрофа крушение авария) Power – (Сила мощность) Capability –(способность, возможности, поддержка) Effort (попытка усилие напряжение) Counterpart – копия аналог дубликат Capacity – способность мощность качество вместимость Vehicle – механизм транспортное средство Designed – проектировать создавать разрабатывать Beams – балка траверс брус Spring – пружина Press – сжатие пресс Stamping – штамповка отпечатка Treated – рассматривать обрабатывать перерабатывать Bumper – бампер заставка Door – дверь автомобильная Roll – вращение ведомость Treating – рассмотрение обработка Enhanced (увеличивать улучшать усиливать), а также термины образованные путём переосмысления – Features(Особенность характеристика функция признак), Straining (Напряжение попытка), Yield (доход результат урожай), Forming (формировать создавать), Impacts (разрушение удар толчок импульс влияние), Rails (рельс перемычка перила) Rocker (крюк клапан); Префиксально-суффиксальным способом – Upgraded(Up) (модернизировать обновлять улучшать), Harnesses(ness)(ремень безопасности жгут).

В анализируемой статье также встречаются сокращения от терминологических сочетаний, такие как - Ultra Light Steel Auto Body - Advanced Vehicle Concepts (ULSAB-AVC), "Advanced high strength steels" (AHSS), Interstitial-free (IF), Bake hardenable (BH), High strength low alloy (HSLA), International Iron &Steel Institute (IISI), Dual phase (DP), Martensitic (MS), Transformation induced plasticity (TRIP), Complex phase (CP).

Помимо простых терминов в анализируемой статье присутствуют еще и сложные термины их количество составляет порядка 20 единиц. В качестве примера представим вам некоторые из них и немного теории. сложное слово представляет собой чаще всего сочетание двух или больше основ имен существительных, которые совпадают с формами, приводимыми в словарях: piston pin (поршневой палец), pivot pin (цапфа шарнира) и т. д. Терминологическое устойчивое словосочетание обычно образуется сочетанием имени прилагательного с именем существительным, причастия с существительным или нескольких существительных, соединенных предлогами: driving pin (поводковый палец), end pin (соединительный палец), pitch of thread (шаг

резьбы). Особую трудность при переводе представляют многокомпонентные сложные слова. Прежде всего нужно раскрыть значение основного компонента. Большую роль при этом, естественно, играет контекст. Затем в составе многокомпонентного сложного слова – термина следует найти внутренние термины, если они имеются, с относящимися к ним словами. В приведенных ниже примерах иллюстрируется последовательность перевода многокомпонентных терминов.

1. dispersion-hardened-steel

dispersion – разброс

hardened – укрепленный

steel – сталь

Значение термина: Дисперсионно твердеющая сталь

2. motor-car construction

motor – двигатель

car – машина

construction – конструкция

Значение термина: Автомобилестроительный

3. control-surface cable adjustment access

access – люк

adjustment access – люк для регулировки

control-surface cable – трос руля управления

Значение термина: Люк для регулировки тросами руля управления.

Проанализировав данную статью мы делаем заключение, что в научной литературе часто используются простые термины для более упрощенного понимания технических аспектов для всех читателей, также используются и сложные многокомпонентные термины и терминологические сокращения узкоспециальной направленности по определенной автомобильной области.

Библиографический список

1. Гореликова С. Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке // Вестник ОГУ. 2002. №6.
2. Пумпянский А.Л. Лексические закономерности научной и технической литературы. Англо-русские эквиваленты. Калининград, 1980.

СЕКЦИЯ 6. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 60

Вавилова А.В. Феномен языковой манипуляции в рекламном тексте

The phenomenon of linguistic manipulation in the ad copy

Вавилова Анна Владимировна,

Магистрант 2 курса, кафедра русского языка, общего языкознания и массовой
коммуникации,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.
Носова

Vavilova Anna Vladimirovna,

Master's degree the 2-year student, Department of Russian language, General
linguistics and mass communication,
Magnitogorsk state technical University

Научный руководитель:

Чурилина Л.Н., д. фил. н., профессор,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.
Носова

Scientific adviser: Churilina L.N., Doctor [of Philological Sciences](#), Professor,
Magnitogorsk state technical University

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей рекламного текста как инструмента речевого манипулирования. Выявлено, что наиболее распространенные приемы языкового манипулирования связаны с функционированием единиц фонетического и лексического уровней структуры языка.

Ключевые слова: манипуляция, реклама, языковая игра

Abstract: In the article the peculiarities of the use of verbal manipulation as a tool of influencing the emotions of the recipient. Found that the most common techniques of manipulation of language were phonetic and morphological levels of structure of the Russian language.

Keywords: manipulation, advertising, language play

Проблема манипулирования, рассматриваемая в том или ином аспекте, находится в центре внимания каждой из гуманитарных наук: политология, социология, психология, лингвистика и др. Одним из первых представителей научного сообщества, обратившихся к проблеме манипуляции, был немецкий социолог Г. Франке. Манипуляцию он трактовал как «психическое

СЕКЦИЯ 6. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на
опубликованные материалы - <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

воздействие, которое производится тайно»; по мнению ученого, активизации манипулятивных процессов способствует сама структура современного общества [1, с. 703].

В настоящее время самым эффективным инструментом манипулирования сознанием людей является телевидение, в частности – телевизионная реклама, которая и является объектом нашего внимания.

Суггестивные методы в рекламе используются как целенаправленно, так и ситуативно, как сознательно, так и неосознанно. Проводимые исследования современного рекламного рынка приводят специалистов к заключению, что определяющая информационная функция рекламы уходит на второй план, главной задачей рекламодателей становится формирование у потенциального адресата потребности в приобретении товара / услуги, для реализации этой цели и используется речевое манипулирование.

А.Н. Лебедев и А.К. Боковиков отмечают, что зачастую сам факт манипуляции не осознается ни рекламодателем, ни рекламораспространителем, ни реципиентом; что позволяет заключить – поведением участников рекламной коммуникации управляет «коллективное бессознательное» [3, с. 144]. О.А. Феофанов использует в этом случае термин *психопрограммирование*, толкуя его как «не прямое, а скрытое, постепенное и системное воздействие на психику людей, в первую очередь на эмоциональные и бессознательные сферы». «Психопрограммируя» массы, реклама поддерживает или изменяет в заданном направлении систему материальных, духовных ценностей, создавая спрос на товары [4, с. 174].

Для реализации манипулятивного речевого воздействия в рекламном тексте в последнее время активно используется языковая игра. Рассматривая данное понятие, мы будем опираться на определение Т.А. Гридиной, которая

СЕКЦИЯ 6. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

определяет «языковую игру» как «определенный вид речевого поведения говорящих, апеллирующих к чувству эстетического восприятия (эстетической оценки) неканонического употребления языковых единиц. Данное определение ЯИ можно охарактеризовать как эстетико-парадигматическое, исходящее из того, что в основе ЯИ лежит стремление достичь определенного эстетического воздействия (чаще всего комического) путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц, творческого (нестандартного) использования языковых средств» [2, 4].

Проведенный анализ рекламных TV-текстов позволил нам выявить наиболее распространенные в этом типе дискурса приёмы игры со словом и соотнести их с уровнями языковой системы.

TV-реклама предполагает одновременное использование разных форм воздействия на субъекта – аудиального, визуального и собственно речевого (семантического), что предполагает возможность обращения к единицам разных уровней языковой системы.

На **фонетическом** уровне языковой системы частотно используются такие приемы, как: аллитерация, анафора, эпифора и рифма.

1. *Аллитерация* – повторение одинаковых или однородных звуков. Основа аллитерации как приема языковой игры – соответствие звукового состава содержанию рекламного сообщения:

- «*Comet – глубоко очищает и защищает*», «*Aquafresh: чистит с блеском – действует с головой*». Используемый прием многократного повтора в рекламном тексте консонантов [щ], [ч], [ст] имеет целью вызвать у адресата ассоциацию со звуками, сопровождающими процесс чистки;

- «*Тавегил – жизнь без зуда и раздражения*»: повторяемость звуков [з] и [ж] невольно вызовет у аллергика воспоминание о неприятных ощущениях, что и мотивирует его к покупке лекарственного препарата.
- «*Вольтарен Эмульгель – эксперт в лечении боли*»: доминирующим звуком в этом случае оказывается [л’], что придает речевому фрагменту «мягкое», «успокаивающее» звучание; если учесть назначение медицинского препарата (снятие суставной и мышечной боли), то апелляция к ласкательным движениям становится обоснованной;
- «*Kinder сюрприз всегда дарит радость*»: акцентирование внимания на многократном повторении звонких [р] и [д], занимающих сильную позицию в слове *радость*, способствует формированию устойчивой связи между *Kinder* и *радость*;
- «*Спорт мастер – мы делаем спорт доступным*»: еще один пример использования ритмической аллитерации как мнемонического приема.

Таким образом, удачное звуковое решение рекламного слогана может не только содействовать формированию общего представления о продукте, но и давать подсознательную ориентировку на товарную категорию, способ и ситуацию использования товара.

2. *Анафора* – повторение лексем или фонетических омонимов (омофонов) в начале речевых отрезков:

- «*Eclipse: уверен в дыхание – уверен в себе*»;
- «*Есть перерыв – есть kitkat*»;
- «*Эрмигурт – большие вкуса, большие жизни*»;
- «*СОГАЗ: большие возможности – большая ответственность*».

Повтор лексемы, вынесенной в сильную позицию (начало фразы), служит маркером его семантической значимости. Слушатель

произвольно / произвольно фиксирует внимание на повторяющемся слове и именно с ним соотносит представление о рекламируемом продукте.

3. *Эпифора* – повторение одних и тех же слов, звуковых комплексов в конце отрезках речи, фразы, строки и т.д. (аналог анафоры):

- «*ARIEL* – не просто **чисто**, а безупречно **чисто**»;
- «*Биолан*: моет **идеально** – экономит **оптимально**».

4. *Рифма* – повторение и созвучие словоформ в сильных позициях фразы – начало и конец:

- «**Off** – лето без клещей и **комаров**»;
- «**Gillette** – лучшего для мужчины **нет**»;
- «**Мезим** – для желудка **незаменим**».

Повтор звукокомплекса в сочетании с аллитерацией создает эффект синергии, при котором настолько сильно ощущается ритмическое сцепление товарного знака с вербальным текстом, что оно не позволяет адресату отделить рекламное сообщение от фирмы, его представившей.

Своеобразным вариантом рассмотренных приемов звукового воздействия на сознание потенциального потребителя рекламного текста можно считать намеренное сближение контактно или дистантно расположенных слов, имеющих звуковое сходство, но различную семантику. Речь идет об использовании явления паронимии. Паронимастические пары используются в рекламе преднамеренно для создания яркого, броского, легко запоминающегося выражения: чем неожиданнее для носителя языка соединение слов, тем эффективнее воздействие на адресата: «*Порошок «Обычный» – результат отличный*».

Использование суггестивного потенциала лексического уровня языковой системы связано с языковой игрой, построенной на явлении

семантической трансформации – изменение семантической структуры слова за счет «эффекта второго дна» (в отличие от полисемии, семантическая трансформация не имеет под собой системных оснований): «*Пятерочка: Удар по яйцам*»; «*Обувная фабрика: Мы **обуем** всю страну*», «*Акфафор: Мой муж **пьет**, но я за него спокойна*»; «*Calgon: **Накипело?** Защитить вашу машину от разрушительной **накипи** и ее последствий вам поможет Calgon*». В структуру высказывания входит лексический компонент, допускающий неоднозначное толкование. Второй из возможных вариантов понимания (на который и рассчитывает автор рекламы) находится за пределами литературного языка, но обнаруживает частотность в разговорной практике (узусе), а потому и будет актуализирован с высокой степенью вероятности.

Обращение авторов рекламных текстов к **словообразовательному** уровню языка единичны и не отличаются разнообразием. В проанализированных нами случаях речь идет об использовании продуктивной словообразовательной модели для окказионального образования: «*Торт «Причуда»: И вкусно и **хрустно***»; «*Шебекинские макароны: Добро пожаловать в **Такиесптичкино***»; «*Twix – **наихрустейшие** батончики*»; «*масло «Золотая семечка – **счастлибочный** вкус*». Следует отметить, что предлагаемые окказиональные образования неудобопроизносимы, а потому едва ли могут выполнить возложенную на них функцию – привлечь внимание потребителя и запомниться.

Проведенный анализ рекламных TV-текстов позволил установить, что наиболее распространенные приемы языкового манипулирования связаны с использованием возможностей фонетического и лексического уровней языковой системы. При этом авторы рекламы активно обращаются и к другим

уровням языка в стремлении обнаружить мнемонические опоры и воздействовать на потенциального адресата.

Библиографический список

1. Бессонов Б.Н. Пропаганда и манипуляция. Реклама: внушение и манипуляция. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. – С.703-727.
 2. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 1996. – 214 с.
 3. Лебедев А.Н., Боровиков А.К. Экспериментальная психология в российской рекламе. – М.: Академия, 1995. – 144 с.
- Феофанов О.А. Реклама: новые технологии в России. – СПб.: Питер, 2000. – 384 с.

Электронное научное издание

Языкознание и литературоведение: фундаментальные и прикладные исследования

Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции

31 мая 2017 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

978-5-00-007865-9

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 4,2. Тираж 100 экз.

Издательство Индивидуальный
предприниматель Краснова Наталья
Александровна

Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний
Новгород, ул. Бекетова 53

Языкознание и литературоведение: фундаментальные и прикладные исследования

Казань